

Санкт-Петербургский государственный университет

Цзэн Сян

Выпускная квалификационная работа

**Лексические средства создания образов Москвы и Петербурга в
рассказах О. Лукас (лингвокультурологический аспект)**

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа ВМ.5622. «Русский язык и русская
культура в аспекте русского
языка как иностранного»

Научный руководитель:
доцент, Кафедра русского языка
как иностранного и методики его
преподавания,
Щукина Кира Александровна

Рецензент:
доцент, ФГБОУВО
«российский
государственный
институт сценических
искусств»,
Матвеева Инга Юрьевна

Санкт-Петербург
2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1 ПОНЯТИЕ «ОБРАЗ» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	8
1.1. Образ: к интерпретации понятия	8
1.2. Современная лингвистическая урбанистика	14
1.2.1. Лингвистическая урбанистика как одно из направлений ономастики ..	15
1.2.2. Проблематика лингвистической урбанистики: аспекты, объекты, процессы	22
1.3. Способы структурирования лексических средств для репрезентации образа	26
Выводы	33
ГЛАВА 2. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ МОСКВЫ И ПЕТЕРБУРГА В ПРОИЗВЕДЕНИИ О.ЛУКАС «ПОРЕБРИК ИЗ БОРДЮРНОГО КАМНЯ»	35
2.1. Модель города как способ самоидентификации и коллективной идентификации горожанина	35
2.3. Тематическая классификация лексических единиц, служащих для создания образов Москва и Петербурга (на примере произведения «Поребрик из бордюрного камня»)	38
2.3.1. Тематическая группа «Архитектурные ипостаси образов городов»	39
2.3.2. Тематическая группа «Культурные ипостаси образов городов»	45
2.3.3. Тематическая группа «Природные ипостаси образов городов»	52
2.3.4. Тематическая группа «Человек»	54
2.3.5. Тематическая группа «Словарь горожан»	70
2.3.6. Тематическая группа «Технический прогресс»	73
Выводы	76
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	78
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	83

ВВЕДЕНИЕ

Тема настоящей магистерской диссертации – «Лексические средства создания образов Москвы и Петербурга в рассказах О. Лукас». В этой связи основное внимание мы уделяем изучению того, какую информацию о названных городах и с помощью каких языковых средств предлагает художественный текст.

Образ любого города, как правило, формируется на страницах энциклопедических изданий, учебников по истории, географии и иностранного языка, в материалах, представленных городскими или международными выставками и фестивалями искусств. Очень много информации о том или ином городе мы можем получить из средств массовой информации (телевидения, радио, интернет, периодических печатных изданий), из фольклорных источников, туристических путеводителей, из устных рассказов очевидцев, которые делятся своими личными впечатлениями о городах в своих блогах, дневниках, личных страницах в социальных сетях. Одним из вариантов получения информации о городе является и художественный текст.

Город – это то место, где пребывает человек. Это место всегда интересовало писателей. Одни описывали город как условия, в которых формируется определенный тип человека, другие характеризовали город как самостоятельный объект, живущий и имеющий равные права со своими обитателями. В научных кругах появился термин «городской текст», под которым понимается текст художественного произведения об образе того или иного города.

Первыми, кто писал о городах, были древнегреческие философы Аристотель и Платон. К теме города обращались такие известные писатели и поэты, как А.С. Пушкин («Медный всадник», «Евгений Онегин» и др.), Н.В.

Гоголь («Петербургские повести»), А.Н. Островский («Гроза»), Ф.М. Достоевский («Преступление и наказание», «Белые ночи» и др.), Л.Н. Толстой («Севастопольские рассказы»), А.Н. Толстой («О Париже»), А. Белый («Петербург»), М. Горький («Город Желтого Дьявола»), М.А. Булгаков («Мастер и Маргарита»), Э.М. Ремарк («Триумфальная арка»), Р. Бредбери («Вино из одуванчиков»), Ф.С. Фицджеральд («Великий Гэтсби»), Д. Дос Пассос («Манхэттен») и многие другие.

Одним из современных русскоязычных авторов, обративших свой писательский интерес к теме города, является Ольга Лукас.

Ольга Лукас – это известная московская и петербургская современная писательница, журналист, ведущая колонку в литературном приложении к «Независимой газете», а также пишущая в журнале «ОМ». Автор стала известной благодаря таким книгам, как «Золушки на грани» (2007), серии книг «Тринадцатая редакция» (2010), «Бульон страданий» (2015), а также серии книг иронических миниатюр под общим названием «Поребрик из бордюрного камня», в которых писательница и обращается к созданию образов двух городов – Москвы и Петербурга.

Творчество Ольги Лукас до сих пор не является популярным предметом внимания лингвистов, особенно с точки зрения изучения лексических средств создания ею образов городов. А ведь именно лексические средства (слова, словосочетания, фразеологизмы, идиоматические выражения, образные выражения), описывающие город, определяют специфику языка любого автора.

Этот факт обуславливает **актуальность** нашего исследования.

Объектом исследования является лексические средства создания образов Москвы и Петербурга в произведения О. Лукас «Поребрик из бордюрного камня».

Предметом исследования – лексические средства создания образов Москвы и Петербурга в указанном произведении.

Цель исследования – выявление и описание лексических средств создания образов Москвы и Петербурга в произведении «Поребрик из бордюрного камня» О. Лукас.

Поставленная цель предполагает решение ряда **задач**:

- 1) изучить и проанализировать теоретические работы по исследуемой проблематике;
- 2) интерпретировать понятие «образ»;
- 3) охарактеризовать такое направление современной науки, как лингвистическая урбанистика;
- 4) описать различные способы структурирования лексических средств, служащих для создания образа;
- 5) охарактеризовать модель города как способ самоидентификации и коллективной идентификации горожанина;
- 6) выявить лексические средства создания образов Москвы и Петербурга и предложить их тематическую классификацию.

Методы исследования

- описательный метод;
- метод сплошной, частичной и направленной выборки;
- классификационный метод;
- метод дефиниционного анализа;

- метод компонентного анализа;
- метод сопоставительного анализа;
- статистический метод.

Материалом исследования является произведение «Поребрик из бордюрного камня» О.Лукас, из которого методом выборки были извлечены и классифицированы лексические единицы, репрезентирующие образы городов Москвы и Петербурга. В качестве материалов исследования применялись также различные лексикографические источники: толковые и другие словари русского языка.

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды Ю.Д. Апресяна, Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Бабенко, С.П. Гурина, К. Линча, З.Д. Поповой, А.А. Потемни, И.А. Стернина, Ю.С. Степанова, Ф.П. Сорокалетова, В.Н. Топорова, Ф.П. Филина, А.И. Смирницкого и др.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что теоретические выводы, сделанные в ней, могут способствовать дальнейшему развитию изучения лексики как системы на примере тематических групп и лексико-семантических связей, а также содействовать углублению представлений о лингвосоциокультурном потенциале лексических единиц, о связи языка и культуры и фрагментах языковой картины мира русского этноса.

Практическая ценность данной работы видится в использовании результатов исследования в курсах лекций по лексикологии, стилистике, лексикографии, лингвистической урбанистике, лингворегионоведению, лингвокраеведению, русской литературе, а также в практике преподавания РКИ.

Научная новизна работы состоит в следующем: во-первых, с точки зрения лексических средств анализируется образ города в произведении

«Поребрик из бордюрного камня»; во-вторых, проводится сопоставительный анализ лексических средств, описывающих города Москву и Петербург, и их функций в создании образов городов.

Гипотеза исследования заключается в том, что, с одной стороны, изучение лексических средств обеспечивает более глубокое и точное восприятие образов городов в произведении; с другой стороны, методы лингвистического анализа позволяют выявить различные языковые средства и рассмотреть особенности их функционирования в художественном тексте.

Структура работы: работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка использованной литературы (46 источников).

Во введении обосновывается актуальность предпринятого исследования, определяются объект и предмет, ставится цель и формулируются задачи для ее достижения, называется методологическая база исследования, перечисляются основные методы исследования, описываются теоретическая значимость и практическая ценность работы.

В первой главе предлагается обзор теоретических исследований, посвященных понятию «образ» в современной лингвистике: дается толкование понятия образ, характеризуется современное лингвистическое направление «урбанистика», описываются способы структурирования лексических средств для создания образа.

Во второй главе предлагается анализ классифицированных по тематическим группам лексических средств репрезентации образов Москвы и Петербурга в произведении «Поребрик из бордюрного камня».

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, обозначаются дальнейшие перспективы.

ГЛАВА 1 ПОНЯТИЕ «ОБРАЗ» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Образ: к интерпретации понятия

Наше исследование связано с языковым способом репрезентации образа. В этой связи будет логичным уточнить содержание понятия «образ». Обратимся к лексикографическим источникам в поисках дефиниций.

Т.Ф. Ефремова, автор «Нового словаря русского языка» предлагает несколько трактовок понятия «образ»:

- 1) внешний вид, облик кого-либо или чего либо;
- 2) изображение;
- 3) живое, наглядное представление о ком-то или о чем-то;
- 4) нечто воображаемое;
- 5) копия, слепок, отпечаток в сознании явлений объективной действительности;
- 6) художественное отражение идей и чувств в звуке, слове, красках и т.п.;
- 7) наглядное изображение какого-либо явления через другое, более конкретное;
- 8) сравнение, уподобление;
- 9) созданный художником обобщённый характер (Ефремова, 2000:1086).

Из предложенных автором трактовок для нашего исследования необходимыми являются представления об образе как о внешнем виде,

изображении чего-либо, а также как о художественном отражении определенных идей в слове.

В определении, предложенном С.А. Кузнецовым в «Большом толковом словаре русского языка», образ понимается как «внешний вид, облик, наружность, внешность; живое, наглядное представление о ком-либо, о чём-либо, возникающее в воображении, мыслях кого-либо; форма восприятия сознанием явлений внешнего мира; обобщённое художественное восприятие действительности, облечённое в форму конкретного индивидуального явления; тип, характер, созданный писателем, художником, артистом» (Кузнецов, 2000:682).

В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова образ интерпретируется многопланово. Однако актуальным для нашего исследования является понимание образа как облика, представления о чём-либо, созданного художником и отраженного в слове (Ушаков, 2005:1999).

Образ города в художественном произведении – вопрос, освещению которого посвящена наша работа, поэтому это обусловило наше обращение к пониманию категории художественного образа.

В названном выше словаре Т.Ф. Ефремовой художественный образ определяется как «художественное отражение идей и чувств в звуке, слове, красках и т.п.; наглядное изображение какого-либо явления через другое, более конкретное; сравнение, уподобление; созданный художником обобщённый характер» (Ефремова, 2000:954).

В «Большом энциклопедическом словаре» под редакцией А.М. Прохорова художественный образ толкуется как «средство и форма освоения жизни искусством; способ бытия художественного произведения» (Прохоров, 1993:826).

Художественный образ чрезвычайно своеобразен. Его специфика проявляется в том, что он создается с помощью естественного языка, являющегося материалом для художника слова. Безусловно, содержание понятия «художественный образ» в лингвистике и литературоведении отличается.

Мы обратимся к лингвистическому пониманию этого термина.

С лингвистических позиций к понятию «образ» обратился еще В. Гумбольдт. Несмотря на то, что в его работах данный термин появляется очень часто, четкого определения ему автор не дает. Тем не менее, исследователь связывает слово и образ между собой, говоря о том, что слово основано на субъективном восприятии мира и является своеобразным отпечатком не самого предмета, а созданного им в нашей душе образа (Шахбаз, 2010:21). В. Гумбольдт считает каждое слово не просто условным знаком или символом, замещающим тот или иной предмет или явление, но и более широким понятием, включающим в себя целый спектр чувственных элементов. Исследователь говорит о том, что слово способно представлять вещь с различных точек зрения и различными путями и при этом оно имеет свой собственный определённый чувственный образ (Там же, С.21).

В отечественной лингвистике к понятию образ первым обратился А.А. Потебня, ученик В. Гумбольдта. Исследователь считал, что внутренняя форма, которой обладает слово, является представлением или, другими словами, образом: «Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию: она показывает, как представляется человеку ее собственная мысль. Этим только можно объяснить, почему в одном и том же языке может быть много слов для обозначения одного и того же предмета, и, наоборот, одно слово совершенно согласно с требованиями языка может обозначать предметы разнородные» (Потебня, 1993:114). Таким образом, А.А. Потебня видел в создании образов потенциал развития языка и мышления, поскольку образы –

это «заместители тех масс мыслей, из которых они возникли» (Потебня, 1976:520).

Действительно, смысл художественного слова не бывает только буквальным. Это доказывает в своих трудах Г.О. Винокур. Основная особенность поэтического языка как особой языковой функции, по Винокуру, заключается в том, что этот смысл не имеет своей формы, а пользуется вместо него формой другого, буквально понимаемого содержания. Таким образом, Г.О. Винокур видит сущность образного слова в том, что «одно содержание, выражающееся в особой звуковой форме, служит формой другого содержания, не имеющего особого звукового содержания» (Винокур, 1990:142).

Нельзя не отметить вклад В.В. Виноградова в лингвистическое исследование художественного образа, указавшего на главные признаки, присущие образу. Характеризуя природу словесного образа, В.В. Виноградов учитывает существование разных видов и типов словесных образов и их связь с разными видами переносного употребления слов, разными способами образования переносного значения слов и выражений» (Виноградов, 1980:360). По мнению В.В. Виноградова, образ взаимосвязан с композицией художественного произведения, его эстетикой, жанром и стилистикой, однако при этом исследователь отмечает, что, например, в стихотворном искусстве образ присутствует не всегда.

В.В. Виноградов – автор трехуровневого подхода к изучению образов:

- 1) рассмотрение образов с точки зрения их метафорического воплощения;
- 2) рассмотрение образов с позиции образных представлений, вызываемых этими метафорами;

3) рассмотрение образов с точки зрения выражаемого ими художественного содержания.

Очевидно, что исследователь посвятил много времени изучению понятия образ, но, тем не менее, ни в одной из его работ нет четкого определения этому понятию. Автор объясняет свою позицию к определению данного понятия наличием множества мнений по этому поводу и определений данного термина.

Итак, несмотря на частотность употребления термина «образ» в лингвистических работах, сегодня до сих пор не существует его единого общепринятого определения. Исследователи сходятся лишь в том, что образ является универсальным способом познания мира, своеобразным вместилищем для хранения и передачи информации.

А.Л. Коралова, определяя образ как «созданное средствами языка двуплановое изображение, основанное на выражении одного предмета через другой» (Коралова, 1975:41), говорит о трехэтапности процесса становления образа:

- 1) сопряжение двух предметов;
- 2) установление связи между ними;
- 3) рождение качественно нового понятия.

Ряд лингвистов (О.С. Ахманова, Т.В. Матвеева и др.) отождествляют понятие «образ» с выразительными средствами языка – тропами.

Итак, образ – это не отдельное впечатление, это достаточно систематизированный «когнитивный феномен и знаковый продукт» (Шестак), характеризующийся субъективностью и возможностью различных интерпретаций (Алефиренко, 2008:71), обусловленных «представлением,

отпечатком в памяти, познавательным механизмом, психологической природой, эстетизированным обобщением, видением образа» (Шестак, 2003:34).

Многие исследователи (Н.Ф. Алефиренко, В.В. Колесов, Ю.С. Степанов, Л.А. Шестак и др.) убеждены в том, что с понятием «образ» связано понятие «концепт». Они иерархически связаны, поскольку, по мнению теоретиков, первичное воплощение концепта происходит в образе. Так, например, В.В. Колесов утверждает, что концепт овнешняется в слове и проходит четыре этапа развития:

1) концепт данной культуры репрезентируется в психологически представленном образе, имеющем денотативное и десигнативное значения, но не обладающем референтным значением (например, образ русалки, лешего или реально существующего объекта, не наделенного в данной культуре именем);

2) постепенное оформление образа как понятия (приращение референта): концепт уже вербализуется определенными лексическими единицами;

3) языковая объективация концепта посредством внутренней формы слова или значения слова;

4) создание символа на базе понятия (Колесов, 2002:28).

Такая многослойность и повременная вербализация концепта (от воображаемого предмета к семиотическому воплощению) постулируется многими современными исследователями (Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой и др.).

Таким образом, очевидна смежность понятий «образ» и «концепт».

Мы в своем исследовании будем использовать понятие «образ», за которым скрывается способ познания действительности и «объективация огромных информационных ресурсов» (Халитова, 2010:134).

Говоря об образе, необходимо остановиться на понятии «языковой образ», под которым мы понимаем «отображение знаний и представлений человека о мире в языке» (Коротун, 2011:7), а также как «вербализованное зрительное восприятие предметного мира, фиксирующее форму, цвет, свет, объем и положение в пространстве поименованного предмета» (Алефиренко, 2002:18-19). Языковые образы наглядно обобщают и отбирают культурно значимые события и ситуациям, подают «ключ» к разгадке мировидения и миропонимания определенной этнокультурной общности. Именно языковой образ представляет интерес в нашем исследовании, поскольку мы сосредоточим свое внимание на лексических средствах создания образов городов Москвы и Петербурга.

Подводя итоги, скажем, что образ – это продукт восприятия и понимания мира. В рамках речемыслительного процесса мы уже говорим о языковом образе: образ в рамках дискурса вступает в новые ассоциативные отношения, необходимые для языкового моделирования того или иного феномена национальной культуры, для формирования языковой картины мира в виде образных представлений.

Средством вербализации образа являются языковые единицы различных уровней.

В нашем исследовании интерес представляют лексические средства создания образа.

1.2. Современная лингвистическая урбанистика

1.2.1. Лингвистическая урбанистика как одно из направлений ономастики

Перечень объектов современной ономастики огромен. В него, помимо всего прочего, входят и номинации внутригородских объектов. В российской и зарубежной ономастике на сегодняшний день более всего, по данным исследователей, изучены такие типы онимов, как топонимы и антропонимы.

Научный интерес к номинациям городских объектов относительно нов. Интенсивность появления подобных исследований стала заметной буквально два десятилетия назад, что для любой науки, конечно же, незначительный срок.

Т.В. Шмелева, известный специалист в области ономастики, отмечает: «с конца с 1980-х гг. ономастикон современного города не только претерпел существенные (а зачастую и кардинальные) изменения, но и ввиду произошедших в общественном сознании перемен чрезвычайно обогатился» (Душечкина, 2013:157). В рецензии нового учебного пособия Т.В. Шмелевой, написанной Е.В. Душечкиной, говорится: «едва ли не самым новаторским (и по материалу, и по его освещению) представляется последний раздел книги, где речь идет об ономастиконе современного города (урбанонимах)» (Там же, С.171).

Ономастическое пространство города исторически связано с научным направлением «язык города», а также с социолингвистикой.

Вслед за А.А. Юнаковской, мы понимаем «язык современного города» как «исторически сложившуюся совокупность типов городской речи, используемую в границах города различными социальными группами, объединенными знанием «кода города» (Юнаковская, 2011:194).

Изучение этих типов привело к формированию особого лингвистического направления – лингвистической урбанистики, получившей

свое развитие в различных городах Российской Федерации – Москве, Великом Новгороде, Екатеринбурге, Красноярске, Омске, Перми, Саратове, Томске, Челябинске и многих других городах.

Очевидно, что «предшественницей» современной лингвистической урбанистики является отдельная ветвь социолингвистики, сосредоточившей свое внимание на «языке города».

Исследовательница в области истории современной урбанистики Г.С. Суюнова (Суюнова, 2016:127) пишет, что вплоть до 80-х годов прошлого века язык города и его ономастикон был объектом исключительно социолингвистических исследований. Однако в последние 30 лет в научных кругах стали выделять новое научное направление – лингвистическое градоведение, сочетающее в себе различные области науки – социолингвистику, культурологию, этнолингвистику, лингвокультурологию – и продолжающее изучение языка города в более детальном, многоаспектном ключе.

Язык быта города – довольно сложный объект, поэтому его изучение имеет свою специфику, определяющуюся, во-первых, направлением на выявление различий города и деревни, во-вторых, установками на фиксирование языковых особенностей того или иного города (Красильникова, 1988:7).

Целостное многоаспектное описание языкового облика конкретного города было осуществлено в 1988 году исследовательницей О.Б. Сиротининой, которая представила материалы, посвященные Саратову (Сиротинина, 1988:247-252). Вслед за статьей О.Б. Сиротининой в научной литературе появляются сборники трудов, описывающие языковой быт различных городов. Таковы исследования И.Г. Гейман, Б.Я. Шарифуллина, Т.В. Шмелевой и др.

Обращаясь к изучению языка современных городов, исследователи называют, как минимум, две причины необходимости тщательного изучения языка:

1) во-первых, это актуализировавшийся в последнее время интерес к региональным особенностям русской культуры и к русскому языку как основе и форме ее существования (язык является средством отражения и формирования культурного пространства в целом);

2) во-вторых, это актуальность лингвоэкологического направления в науке, увеличившаяся в последние годы.

Современный город – это замкнутый социум, в котором на разных уровнях переплетаются индивидуальные, групповые и общегородские интересы, отношения, мотивации и формы поведения, в том числе и языкового (речевого). Языковой облик города, по мнению Б.Я. Шарифуллина, «формируют как индивидуальные мотивации и формы поведения, принимаемые городским микросоциумом, так и речевые проявления индивида или социальной группы, влияющие на формы и характер речевого общения в целом» (Шарифуллин, 1998:10).

К языковому облику города Б.Я. Шарифуллин относит не только компоненты, отражающие возрастную и профессиональную дифференциацию населения, диалектные и «криминальные» формы проявления, речевой этикет и антропомикон, но и язык рекламы и бизнеса, называя его «новым явлением в русском национальном языке» (Там же, С.24).

Становление урбанистики (или в другой терминологии – урбанологии) связывают с именем К. Линча, и любого человека, хотя бы минимально интересующегося городом, можно назвать урбанистом. Это могут быть люди любых профессий: географы, инженеры, архитекторы, транспортники и др.

Некоторые исследователи (С.В. Пирогов, В. Ванчугов и др.) считают урбанистику еще не состоявшейся самостоятельной дисциплиной, указывая на то, что она представляет собой эмпирический этап становления науки о городе.

Известно, что сложность и многоаспектность объекта исследования порождает и известное количество подходов к нему и, соответственно, дисциплин, рассматривающих те или иные подходы к изучению объекта. «Город стал объектом комплексного исследования и в силу своей многоаспектности изучается с позиций разных дисциплин: географии, истории, экономики, экологии, социологии и культурологи, градостроения и архитектуры, семиотики, филологии и др.» (Яковлена, 2011:771).

Тем не менее, эксперты полагают, что на современном этапе развития проблемы городов требуют внимания специалистов с новыми знаниями и компетенциями.

И.В. Гукалова пишет: «Урбанистика не только актуальная, но и модная тема для наук, имеющих в своем арсенале методологический инструментарий для исследования сложных проблем городского развития» (Гукалова, 2015:14).

Актуальность данного направления для лингвистики (в частности, проблематика коммуникативного пространства города) не вызывает сомнения и обуславливается приоритетностью человеческого начала, ведь, по мнению С.В. Пирогова, «... город – это, прежде всего, люди, а не техника и социальные институты. <...> Население городов – это всегда сложный гетерогенный состав большого количества различных сообществ со своими ценностно-смысловыми ориентациями» (Пирогов, 2010:8).

Для лингвистов объектом исследования становится лингвокоммуникативная жизнь города, его языковое пространство.

Исторически исследования языковой жизни города велись в рамках социологии языка, уделяющей «внимание проблеме влияния социальных факторов на язык города, проблеме социального варьирования языка в городе, языковой компетенции горожан, изучению языковой ситуации города, городского билингвизма, результатам языкового контактирования в городе и др.»).

Говоря о различных научных направлениях, посвященных изучению городских объектов, языковой и коммуникативной жизни города, следует соотнести эти направления с их лингвистическими разновидностями:

- 1) урбанистика – лингвистическая урбанистика;
- 2) урбанология – филологическая урбанология;
- 3) градоведение – лингвистическое градоведение.

В названных парах первый термин обозначает науку о городе как таковую, а левый – определяет область научных исследований языковой, шире – лингвокультурной жизни города.

Необходимо представить содержание данных терминов, определяющих некоторые явления в сфере урбанистических исследований.

Сегодня чрезвычайно частотной является пара терминов *урбанистика* – *лингвистическая урбанистика*. Их соотношение выглядит следующим образом: урбанистика – это раздел экономической географии, предметом исследования которого является комплексный анализ и изучение проблем, связанных с функционированием и развитием городских центров, а лингвистическая урбанистика – это формирующееся лингвистическое направление, представители которого сосредоточивают свое исследовательское внимание на изучении языковой жизни города как исторически конкретной социально-пространственной формы существования

общества; урбанизации как глобального процесса, выражающегося в концентрации населения, экономической, политической, культурной жизни на городских территориях, неуклонном повышении роли города и распространении городского образа жизни (URL: <http://libed.ru/konferencii-jazykoznanie/177653-9-yazik-obschestvo-sovremennoy-rossii-drugih-stranah-mezhdunarodnaya-konferenciya-moskva-21-24-iyunya-2010-dokladi-so.php>).

Лингвистическая урбанистика изучает возникновение, развитие, функционирование языка в городе. Безусловно, городской аспект в лингвистике – не новое направление, этот аспект присутствовал в языкознании буквально с зарождения науки, ведь язык существует и развивается в конкретном времени и пространстве, и «именно город является основным местом действия языковой эволюции и языкового прогресса человеческого рода» (Суюнова, 2016:17).

Основным объектом изучения лингвистической урбанистики являются урбонимы – вид топонима, собственное имя любого топографического объекта (Подольская, 1988:192). Совокупность урбонимов – это урбанонимия, которая, по мнению А.М. Мезенко является наиболее подвижным и изменяющимся пластом топонимической лексики, представляет собой зеркало национальной культуры и содержит информацию о традициях и устоях определенного языкового общества (Мезенко, 2011:388-392).

Соотношение пары *урбаноология – филологическая урбаноология* выглядит следующим образом: урбаноология – интегративная наука, изучающая проблемы городов и городских систем с разных позиций: с позиции возникновения, с позиции функционирования во взаимосвязи с человеком как субъектом и объектом урбанизационных процессов (URL: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Tyheeva/>); филологическая урбаноология – это научное направление, опирающееся при изучении города на различные антропоцентрические дисциплины: семиотику,

социолингвистику, психолингвистику, фольклор, риторику, поэтику и др. Филологическая урбанология изучает город как своеобразный, «искусственно созданный макротекст, или урботекст, со своим синкретическим языком, знаковой системой, вариативной семантикой, постоянно пополняемой новыми смысловыми оттенками. <...> Если ввести термин «урботекст», то можно представить филологическую урбанологию (в ее лингвистической части) как «многоотраслевую» дисциплину, изучающую сложные городские коммуникационные сети: устную городскую речь (в том числе городское просторечие, молодежный жаргон, корпоративные языки), письменные тексты (номинации городских объектов, торговые вывески, внешнюю рекламу, граффити, уличные объявления и пр.)» (Яковлена, 2011:773).

Филологическая урбанология заинтересовала ученых еще в 60-х годах прошлого столетия, в период подъема топонимических исследований, посвященных изучению не только наименований общеизвестных географических объектов, но и микротопонимов небольших регионов: названий естественного и искусственного рельефа местности, частей населенных мест (кварталов, площадей, рынков, улиц, перекрестков, отдельных домов, мостов и т.п.).

На сегодняшний момент филологическая урбанология логически продолжает исследовать проблему «языка города», но при этом она является составной частью ономастики, имея самостоятельный объект исследования.

Соотношение понятий *градоведение* – *лингвистическое градоведение* выглядит так: градоведение – это наука, обобщающая и интегрирующая знания об экономических, социальных, экологических, географических, градостроительных, исторических и других процессов, происходящих в городах (URL: <http://emsu.ru/ms/default.asp?c=1157&p=1>), а лингвистическое градоведение – это направление, предполагающее «обращение к языку города

как фрагменту городской культуры – архитектуры, истории, быта и т.д.» (Подберезкина, 1998:22).

Лингвистическое градоведение изучает номинации городских объектов, торговых вывесок, афиш, рекламных текстов, объявлений, граффити и т.д., поскольку они являются объектами семиотического пространства города.

Итак, город как сложная система изучается в ряде наук, которые можно объединить в научную область, определяемую особым термином урбанистика. Лингвистический аспект изучения города раскрывается в лингвистической урбанистике.

Город функционирует, и это отражается в языке. Следовательно, лингвистическое направление в урбанистике реализуется в специальной дисциплине – лингвистической урбанистике.

1.2.2. Проблематика лингвистической урбанистики: аспекты, объекты, процессы

Сегодня номинации объектов городского пространства изучены с разных сторон:

1) с точки зрения семантики, функционирования в контексте исторического развития города (В.Д. Беленькая, В.В. Благовещенский, Н.Г. Гордеева, М.Я. Гуревич, Т.А. Исаев, М.В. Китайгородская, Л.Е. Колесникова, В.В. Кукушкина, А.Н. Лебедева, А. Минкин, Г.Ю. Никитенко, Б.Н. Перлин, М.Н. Розанова, Т.Ф. Сапронова, Т. Смирнова, В.И. Тагунова и др.);

2) с точки зрения деривации, онимизации, трансонимизации и апеллятивизации (Т.Л. Борисова, М.В. Горбаневский, М.Н. Морозова, Г.П. Смолицкая, З.В. Суганова и др.).

Лингвистическая урбанистика находится в центре внимания междисциплинарных исследований. Например, Н.А. Дубова изучает

антропологические аспектах урбанизации, Т.И.Алексеева и И.В. Захарова изучают древнюю московскую антропологию и ономастику, Т.П. Егорова исследует названия улиц в семиотическом аспекте общности стилей, А.М. Мезенко исследует проблему соотношения человека и процессов номинации внутригородских объектов, М.В. Горбаневский пишет о лингвокультурологических методах изучения городской топонимии и др.

Работы А.В. Суперанской, Н.В. Подольской, М.В. Горбаневского, Э.М.Мурзаева, В.А.Никонова, Е.А.Яковлевой конца XX столетия представляют собой опыт теоретического обоснования предмета исследования урбанонимики, попытку поставить результаты большого количества наблюдений за русскими внутригородскими наименованиями на прочный научный фундамент.

Ученые (М.В. Горбаневский, Э.М.Мурзаев, В.А.Никонов, Н.В. Подольская, А.В. Суперанская, Е.А.Яковлева и др.) отмечают, что в сфере лингвистической урбанистики накоплен значительный эмпирический материал, однако наличие такого объема материала опережает развитие теории лингвистической урбанистики, мешая интенсивному исследованию наименований городских объектов и обуславливая актуальность исследования проблем топонимики и ономастики.

В теоретическом направлении развития лингвистической урбанистики существует ряд нерешенных вопросов.

1. Наименования внутригородских топографических объектов – это урбонимы или урбанонимы. Эта группа онимов является в целом топонимической. Однако ученые не сходятся во мнении относительно определения конкретного места урбанонимов в топонимике. Противоречия вызваны неспособностью топонимии, организованной в виде уровней, охватить все разнообразие внутригородских наименований. Особенностью

урбанонимов является их удаленность от индивида, независимость от воли и желания человека и официальная узаконенность (Олейникова, 2007:147).

2. Объем толкования термина *урбаноним* неоднозначен из-за путаницы, возникшей в результате того, что разные исследователи по-разному обозначают внутригородские объекты: *топонимы*, *микротопонимы*, *городские топонимы*, *урбанонимы*, *городские географические названия* и др.

3. Недостатком внимания характеризуются определенные типы урбанонимов:

- городские хоронимы: беседы, дворы и задворья, городища, урочища, стороны, деревни, усадища, поселки, станы, кварталы, километры, пустоши, места;

- агоронимы: торги, ряды;

- городские ойкодомонимы: избы, кельи, приказы, сени, половины, терема, крепости, башни;

- годонимы: взвозы, спуски, проезды, межи, зимники и др.

4. Несмотря на наличие большого количества исследований, касающихся развития лингвистической урбанистики (работы М.В. Горбаневского, М.Н. Морозовой, Э.М. Мурзаева, В.А. Никонова, Н.В. Подольской, Г.П. Смолицкой, З.В. Сугановой, А.В. Суперанской, П.В. Сытина и др.), проблема происхождения и развития онимических комплексов как топонимической составляющей языковой картины города осталась незатронутой и поэтому представляет большой интерес для детального исследования.

Горожан объединяют не только поток информации, касающийся топонимикона их города, и коммуникативные контакты, но и особенности коммуникативного поведения, основными чертами которого являются:

- коллективность общения;
- общительность;
- разнообразие тем для разговоров;
- оценочность;
- доминантность в разговоре;
- бескомпромиссность в споре;
- бытовая неулыбчивость (Прохоров, 2006).

Поэтому одним из направлений современной лингвистической урбанистики является «риторический подход» (Юнаковская, 2011:194), при котором речь горожан изучается с позиции технологии речевых коммуникаций.

Итак, язык города как особое лингвистическое направление – это многоуровневое и многоаспектное образование, составляющие которого обладают как сходными, так и различительными чертами, отражающиеся в системе языка на различных уровнях: фонетическом, словообразовательном, лексическом, синтаксическом, стилистическом.

В нашем исследовании представляет интерес именно лексический уровень языка города – а именно лексические средства репрезентации образа этого города. Поэтому в следующем параграфе рассмотрим способы структурирования лексических единиц в языке.

1.3. Способы структурирования лексических средств для репрезентации образа

Изучение лексической системы языка сегодня является особенно актуальной и важной проблемой по целому ряду причин. Р.В. Алимбиева отмечает центральное положение слова в такого рода исследованиях. Именно оно, как считает автор, «представляет собой особый микромир, отражающий какой-то кусочек реальной действительности, поэтому сама природа лексического значения выявляется прежде всего через предметное содержание слова, в его соотнесенности с объективно существующим миром вещей, процессов, явлений» (Алимбиева, 1986:12).

Еще с самого начала зарождения лингвистики как научной дисциплины лексические проблемы стали интересовать специалистов. Исследователи неоднократно пытались систематизировать, классифицировать и системно описать лексику. Под системой понималась «совокупность элементов, связанных внутренними отношениями» (Степанов, 1975:42), и при этом свойства любой системы не являются простой совокупностью свойств входящих в нее элементов. Лексика – это такая организация единиц, при которой эти единицы предстают взаимообусловленными и взаимозависимыми в плане содержания (Слесарева, 2010:13). Тем не менее, И.П. Слесарева отмечает наличие в лексике областей, различающихся степенью системности, точнее, степенью упорядоченности отношений между словами образующими данную область.

В настоящее время системность лексики не вызывает сомнений, несмотря на то, что лексика является самой сложной частью языка, и количество ее элементов чрезвычайно велико и разнообразно. Серьезный вклад в описание лексики как системы внес Л.В. Щерба. Он считал, что словарный состав любого языка образует «единую сложную ткань, единую систему», элементы которой связаны определенными смысловыми

отношениями, «систему слов, из которых по правилам грамматики и самой лексики и строится наша речь с ее синтагмами» (Щерба, 2008:270). Таким образом, системность лексики определяется уже тем, что слова в языке существуют не изолированно друг от друга, а в определенных отношениях друг с другом: слова объединяются в семантические поля, лексико-семантические группы, тематические группы. Рассмотрим эти способы структурирования лексических единиц.

Семантическое поле.

В семантике понятие «поля» является умозрительным, абстрактным. При помощи данного понятия описываются многоуровневые взаимосвязи языковых единиц. Поле – это условная модель комплекса различных языковых единиц, оно существует исключительно в воображении, но при этом чрезвычайно эффективно описывает схемы взаимосвязи и взаимодействия языковых единиц, входящих в него. Таким образом, подходя к определению семантического поля, мы принимаем следующее определение: это комплекс разноуровневых единиц языка, объединенных общим семантическим значением, иными словами, это совокупность языковых единиц, объединенных каким-то общим семантическим признаком, т.е. имеющих некоторый общий компонент значения.

Изначально составными элементами семантических полей считались только слова, позднее к ним примкнули словосочетания и предложения.

Семантическое поле характеризуется рядом свойств, описанных Ю.Ю. Архиповой:

1. Оно понятно носителю языка на интуитивном уровне и психологически реально для носителя языка.

2. Оно автономно и может являться самостоятельной языковой подсистемой.

3. Компоненты семантического поля находятся в определенных отношениях между собой.

4. Каждое семантическое поле связано с другими семантическими полями языка и в совокупности с ними образует языковую систему (Архипова, 2000:19).

Теория семантических полей базируется на представлении о том, что в языке существуют некоторые семантические группы, и о том, что языковые единицы могут входить в одну или несколько таких групп. Например, лексика может быть представлена набором отдельных групп слов, объединенных различными отношениями: синонимическими (кинуть – бросить), антонимическими (холодный – горячий), паронимическими (адресат – адресант), омонимическими (лук (растение) – лук (оружие)) и т.п.

Компоненты отдельного семантического поля связаны между собой регулярными и системными отношениями, поэтому все слова поля взаимно противопоставлены друг другу. Семантические поля могут пересекаться или полностью входить одно в другое. Значение каждого слова наиболее полно определяется только в том случае, если известны значения других слов, входящих в это же семантическое поле. Одна единица может обладать несколькими значениями, и поэтому она может быть включена в состав разных семантических полей.

Самыми распространенными разновидностями семантического поля являются лексико-семантическая группа и тематическая группа.

Лексико-семантическая группа.

Под термином «лексико-семантическая группа» мы понимаем вслед за И.П. Слесаревой группу слов одной части речи, тесно связанных между собой по смыслу (Слесарева, 2010:139).

Лексико-семантическая группа является основной единицей описания лексики в любом языке. Это одновременно и языковая, и психологическая реальность. Это объединение слов, имеющих одинаковый грамматический статус и характеризующихся однородностью смысловых отношений. Под этими отношениями понимаются отношения синонимии (в узком смысле), антонимии, гипонимии, гиперонимии, многозначности и др.

Структура лексико-семантической группы характеризуется наличием по меньшей мере двух уровней – ядра (слова, нейтральные по стилистической окраске и наиболее общие по своему значению) и периферии (лексические единицы с наибольшим числом дифференциальных сем: термины, слова с коннотативным элементом значения).

В ядре лексико-семантической группы выделяется базовый идентификатор группы. Этот идентификатор включает в своей семантике интегральную, общую для всех единиц данной группы сему. Базовое слово-идентификатор является простым по морфемному составу, обладает самой широкой сочетаемостью среди единиц данной лексико-семантической группы, имеет психологическую важность для носителей языка и не является недавним заимствованием (Алимпиева, 1986:34).

Базовый семантический компонент включает в свой состав одну и ту же сему принадлежности слова к определенной части речи и одни и те же семы, обозначающие лексико-грамматические разряды этой части речи. Приведем пример лексико-семантической группы «городской транспорт». К этой группе относятся существительные *трамвай, троллейбус, автобус, маршрутное такси, метро, автомобиль* и др.

Главная особенность лексико-семантической группы заключается в том, что базовой идентификатор включает несколько различных родовых сем (*трамвай, метро* – гиперсема «железнодорожный транспорт»; *автомобиль, автобус, такси* – гиперсема «автомобильный транспорт»). В состав лексико-семантической группы может входить несколько тематических, гиперонимических и синонимических парадигм.

Тематическая группа.

Тематическая группа – это совокупность слов, основанная на классификации самих предметов и явлений внешнего мира, обозначающих определенную предметную область.

В тематическую группу, в отличие от лексико-семантической группы, могут входить слова различных частей речи.

Например, в тематическую группу «город» входят:

- номинации городских зданий (*банк, почта, магазин и др.*),
- номинации видов транспорта (*автобус, трамвай, троллейбус, метро, такси*),
- названия жителей города (*горожанин, москвич*),
- названия дорожных объектов (*бордюр, перекресток, светофор, обочина, дорога*),
- события (*озеленение, субботник, асфальтирование*),
- признаки города (*промышленный, закрытый, областной*),
- действия (*переходить дорогу, ждать общественный транспорт*),

- профессии людей, связанных с городским хозяйством (*бизнесмен, менеджер, мэр*) и т.д.

Т.А. Вендина называет важным признаком тематической группы – разнотипность языковых отношений между ее членами или отсутствие таковых вообще (Вендина, 2001:153).

Лексико-семантическая группа и тематическая группа – это результат членения лексики на различных основаниях, с разных точек зрения. Они не «соседствуют» в языке. Одни и те же слова могут входить и в лексико-семантическую группу, и в одну или несколько тематических групп. Например, глаголы *варить, жарить, печь, тушить, солить* входят и в тематическую группу «пища», и в лексико-семантическую группу глаголов приготовления (Бабенко).

Сходства и различия между семантическим полем, лексико-семантической группой и тематической группой видятся не только в основании для объединения лексических единиц, но и в составе лексических единиц. Так, например, основанием для объединения лексических единиц в семантическое поле и лексико-семантическую группу является общность семантики, а основанием для объединения лексических единиц в тематическую группу – предметная общность. Что касается состава лексических единиц, то в семантическое поле и лексико-семантическую группу входят слова разной частеречной принадлежности, а в состав тематической группы – одной. Представим эти данные в таблице ниже:

Способ структурирования	основание для объединения лексических единиц	состав лексических единиц
семантическое поле	общность семантики	слова разных частей речи

лексико-семантическая группа	общность семантики	слова одной части речи
тематическая группа	предметная общность	слова разных частей речи

Четкую границу между семантическим полем, лексико-семантической группой и тематической группой можно провести не всегда, поскольку семантические связи слов отражают отношения между предметами и явлениями в реальном мире. Соответственно, эти термины нередко используются недифференцированно.

Подводя итоги, отметим, во-первых, системность лексики; во-вторых, наличие парадигматических и синтагматических отношений элементов лексико-семантической системы; в-третьих, способы структурирования лексики: семантические поля, лексико-семантические группы и тематические группы.

В нашем исследовании мы будем использовать термин «тематическая группа», поскольку нас интересуют такие классы слов, которые объединяются одной и той же типовой ситуацией или одной темой (образ города), но общая идентифицирующая сема для них необязательна.

Выводы

Первая глава настоящего исследования была посвящена понятию «образ» в современной лингвистике.

Образ является универсальным способом восприятия, познания, понимания мира, своеобразным вместилищем для хранения и передачи информации.

В рамках речемыслительного процесса мы уже говорим о языковом образе – отображении знаний и представлений человека о мире в языке, вербализованном зрительном восприятии предметного мира, фиксирующем форму, цвет, свет, объем и положение в пространстве поименованного предмета.

Лексические единицы, посредством которых вербализуется тот или иной образ, структурируются в языке. Так, нам известны следующие способы структурирования единиц: организация их в семантическое поле, лексико-семантическую группу, тематическую группу.

Четкую границу между семантическим полем, лексико-семантической группой и тематической группой можно провести не всегда, поскольку семантические связи слов отражают отношения между предметами и явлениями в реальном мире. Соответственно, эти термины нередко используются недифференцированно.

В ходе работы над главой мы посчитали нужным остановиться на характеристике одного из направлений современной лингвистики – лингвистической урбанистики. Эта научная область, предметом исследований в которой является лингвистический аспект изучения города.

Поскольку лингвистическая урбанистика является относительно новым научным направлением, то ее представители сталкиваются с рядом пока еще не решенных проблем.

Например, до сих пор нет четкого определения конкретного места урбанонимов (наименований внутригородских объектов) в топонимике; существует путаница в определении объема толкования термина *урбаноним*; недостаток внимания к ряду урбанонимов; нерешенные вопросы происхождения и развития онимических комплексов как топонимической составляющей картины города.

ГЛАВА 2. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ МОСКВЫ И ПЕТЕРБУРГА В ПРОИЗВЕДЕНИИ О.ЛУКАС «ПОРЕБРИК ИЗ БОРДЮРНОГО КАМНЯ»

2.1. Модель города как способ самоидентификации и коллективной идентификации горожанина

«Город», «образ города», «душа города» – категории, находящиеся во внимании исследователей различных областей: социологии, политологии, философии, архитектуры, географии, филологии и др. В соответствии с научным направлением аспект изучения образа города может быть культурно-антропологическим, семиотическим, ментальным, метафизическим, мистическим и т.д. Таковы исследования М.В. Ахметовой, С.П. Гурина, М.С. Каган, К. Линча, О.С. Острога, В.В. Иванова, С.П. Гурина и др.

Обратимся к лексикографическому толкованию понятия «город».

Так в «Малом академическом словаре русского языка» город определяется как «крупный населенный пункт, административный, промышленный, торговый и культурный центр» (URL: <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ-term-13529.htm>).

Похожее определение предлагает Д.Н. Ушаков в своем толковом словаре: «крупный населенный пункт, управляемый по особому положению, административный, промышленный и торговый центр» (Ушаков, 2005:538).

«Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова фиксирует следующее толкование: «Крупный населенный пункт, административный, промышленный, торговый и культурный района, области, округа и т.п.» (URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4>).

Обобщая имеющиеся определения, отметим основные компоненты понятия «город»:

- 1) населенный пункт;
- 2) большой (крупный) размер;
- 3) администрация;
- 4) промышленность;
- 5) торговля;
- 6) культура.

Несмотря на разные подходы к исследованию образа города, все исследователи объединены мыслью о том, что город является не просто средой обитания человека, он формирует стиль жизни, ценности, влияет на особенности поведения, создает картину мира индивида.

С.П. Гурин пишет: «Город, имеет определенные онтологические структуры и ценностные смыслы и занимает особое место в символическом пространстве культуры. <...> Город – это не только и не столько географическое пространство. Город всегда нечто большее, чем населенный пункт. Для города характерны семантическая нагруженность, смысловая сгущенность, эмоциональное напряжение, рациональная упорядоченность. Город – это место, которое всегда насыщено смыслами, своей историей, знаками и ценностями» (URL: http://www.comk.ru/HTML/gurin_doc.htm).

Город – это многообразие информационных, культурных, социальных практик, создающих «текст города», под которым, вслед за В.Н. Топоровым, понимаем «совокупность сообщений, отправляемых зданиями и памятниками, улицами и площадями, садами и парками» (Топоров, 1995:259-265). Л.И. Ермоленкина подчеркивает, что в текстах о городе отражается представление

горожанина о городе как «сложной системе коллективно и индивидуально сложившихся знаний» (Ермоленкина, 2010:5-10).

Ю.А. Эмер отмечает, что город воспринимается индивидом через структурирование городского пространства. Исследовательница пишет: «Отражаясь в сознании горожанина, городское пространство определяет восприятие города человека, организует его существование. При этом внешние объекты городского пространства наполняются семиотическим содержанием, поскольку они семиотически взаимодействуют с желаниями, представлениями, установками горожанина или коллектива горожан» (Эмер, 2014:18-19).

Семиотически нагруженными предстают разнообразные объекты городского пространства. Это может быть архитектурный ансамбль города (конфессиональные комплексы, особые здания общественных организаций, рестораны и иные пункты общественного питания), городской ландшафт (парки, сады, скверы, аллеи), малые архитектурные формы (памятники, мемориалы), система городских событий (праздников, фестивалей, карнавалов) и т.д.

Наличие собственного видения городского пространства позволяет горожанину ориентироваться в этом пространстве, а также выступать его самоидентифицирующим фактором.

В нашем исследовании мы сосредоточим свое внимание на текстовых фрагментах, репрезентирующих в сознании персонажей произведения образы двух городов – Москвы и Петербурга. Собранный материал мы объединим в один семантический компонент – тематическую группу.

2.3. Тематическая классификация лексических единиц, служащих для создания образов Москва и Петербурга (на примере произведения «Поребрик из бордюрного камня»)

«Поребрик из бордюрного камня» был создан как сетевой литературный проект писательницы Ольги Лукас и художника Натальи Поваляевой. Блог представляет собой собрание сочинений, построенных на бесконечном сравнении (или даже противостоянии) двух столиц – Санкт-Петербурга и Москвы. Каждая запись – маленькая история, описывающая бытовую ситуацию и поведению москвича/петербуржца в ней.

Уже заглавие «Поребрик из бордюрного камня» указывает на содержание книги. В центре заглавия противопоставление двух понятий «бордюр» и «поребрик», причем не их прямого значения, а ассоциаций, которые выводят нас на иное противопоставление: Москва и Санкт-Петербург. В массовой культуре часто встречаются зарисовки, шутки о лексических различиях жителей двух столиц (бордюр/поребрик, подъезд/парадная, батон/булка и т.д.). С момента прочтения заголовка читатель понимает, о чем пойдет речь.

Образы двух городов показаны в первую очередь через описание поведения и мышления их жителей – москвича и питерца. Лексические средства, репрезентирующие образы двух городов, мы объединили в шесть тематических групп:

- 1) «архитектура»;
- 2) «культура»;
- 3) «природа»;
- 4) «человек»;

5) «словарь»;

6) «технологии».

Рассмотрим каждую тематическую группу.

2.3.1. Тематическая группа «Архитектурные ипостаси образов городов»

Создание образов городов в произведении начинается с описания процесса их основания. Автор использует для номинации процесса строительства городов разные глаголы: Москва была *вылеплена*, а Петербург – *организован*:

*Этимими руками он подгребал под себя землю и всякое другое разное, подгребал, подгребал, а потом **вылепил** Москву* (URL: <https://www.litmir.me/br/?b=157632&p=1>).

*Петр I, задумывая **организовать** на болоте столицу, радел не только о том, чтобы беспрепятственно грозить отсель шведу, окопавшемуся на том берегу, где сейчас окопалось Ленэнерго.*

Архитектура городов складывается из различных зданий, улиц, проспектов и других объектов, так или иначе характеризующих городское пространство.

Архитектурное пространство Петербурга описывается посредством следующих номинаций: *Стрелка Васильевского острова, Невский проспект, рюмочная на Стремянной улице.*

*Вот по каким справедливым и мудрым законам жило племя протопитерцев много-много лет назад, когда еще не было ни **Стрелки***

Васильевского острова, ни Невского проспекта, ни рюмочной на Стремянной улице.

Невский проспект — это такое специальное устройство, помогающее питерцам поддерживать контакты. В том числе и с москвичами.

Еще одним архитектурным сооружением, служащим неким символом Петербурга, являются разводные мосты через Неву.

Вот, скажем, идёт подвыпивший питерец по мосту, идет-идет да и падает в речку. Потому что мост развели не ко времени, а оградить его специальными рогульками забыли.<...> Ни за что слегка подвыпившему москвичу не совершить в своей столице головокружительного полета с Дворцового моста в холодную отрезвляющую Неву.

Архитектурное пространство Москвы описывается посредством следующих номинаций: Красная площадь, Кремль.

На Красной площади нередко можно заметить Ивана Грозного, который шаркает в домашних тапочках со стороны Кремля на лобное место — смотреть, как там кого-нибудь казнят.

Москвич, в отличие от питерца, лишен возможности окунуться в величавую, благородную Неву, поскольку он может лишь похвастаться наличием теплых илистых озер, основными обитателями которых являются пошлая килька и пустая консервная банка из-под этой кильки.

Они, москвичи, то есть, только и могут, что плескаться в теплых илистых озерах. Что с ними случится в таком озере? Ну, разве что рыба за ногу укусит, и то, не благородная корюшка, а килька какая-нибудь пошлая. А всего вернее — пустая консервная банка из-под этой пошлой кильки, с острыми ржавыми краями.

Следующим архитектурным объектом, создающим образы городов, является метро, которое автор иронично называет «поставщиком круглогодичного экстрима». Турникеты московского метро характеризуются посредством таких определений, как *опасные, неожиданно прихлопывающие*, в то время как питерские «вертушки» описываются посредством эпитета *убогие*, а также такими лексическими единицами, как *чепуха, никакого адреналина*.

Одним из лучших **поставщиков круглогодичного экстрима** можно считать метро. Чего стоят одни только **опасные московские турникеты, прихлопывающие** неосторожного пассажира в самом интересном месте и в самый **неожиданный** момент! Разве могут **убогие питерские вертушки** с ними сравниться? Ну, наматается на неё ваш модный зенитовский шарфик, ну придушит вас слегка — вы даже испугаться не успеете. **Чепуха! Никакого адреналина**, гоните обратно деньги за жетон!

Следующим объектом, характеризующим образы городов, являются живые памятники, «приставленные» к различным достопримечательным местам городов.

Петербург украшают памятники, названные автором, *натуральными Петрами с парочкой фрейлин или сильно исхудавшими императрицами, царем-плотником*. При этом статус достопримечательности можно определить по «приставленному» к ней *Петру*: образы солидных достопримечательностей дополняются *солидными Петрами (высокими, статными, с густыми усами)*, образы скромных достопримечательностей сопровождаются *скромными Петрами (в обвислых панталонах, с накладными усами, неестественно сидящих треуголках)*, в местах скопления иностранных туристов можно заметить *чернокожего Петра*.

Покуда Москву украшают чугунными Петрами, Питер заводит у себя **Петров натуральных**. В смысле — живых, настоящих, переделанных из обыкновенного человека, упакованного в царский мундир. Возле каждой достопримечательности непременно бродит какой-нибудь **Пётр**. Достопримечательности побогаче позволяют себе даже прибавить к нему **парочку фрейлин** или, скажем, **сильно исхудавших императриц**. Ранг и статус достопримечательности можно сразу угадать по приставленному к ней **Петру**. В каждом парке, в каждом сквере, возле каждого мало-мальски памятного здания топчется, как часовой, какой-нибудь **царь-плотник**. Солидные памятники архитектуры могут позволить себе высоких, статных **Петров** с натуральными густыми усами, прочие ограничиваются скромненькими, в обвислых панталонах, в накладных усах и в преогромных треуголках, то и дело сползающих на ухо. В местах скопления интуристов очевидцы наблюдали политкорректно **чернокожего Петра**. То ли это иностранный гость решил устроить маскарад и арендовал царский костюм за 200 долларов в час, то ли это был такой Доктор Джекил Мистер Хайдович — Арап Петра Великого, он же Пётр.

К Московским достопримечательностям приставлены следующие «VIP-персоны прошлого»: Иван Грозный, стрельцы, Ленин, Николай II, образы которых дополняются ироничными авторскими характеристиками.

В Москве набор бродящих в толпе **VIP-персон прошлого** чуть разнообразнее. На Красной площади нередко можно заметить **Ивана Грозного**, который **шаркает в домашних тапочках** со стороны Кремля на лобное место — смотреть, как там кого-нибудь казнят. Следом за ним идут два **дюжих стрельца** (бывшие Петры, сбежавшие в Москву, где платят больше). Возле мавзолея **шныряет юркий Ленин**, нарочито **картавит и стреляет у граждан папирску за папирской**. **Николай II** извиняющимся тоном предлагает всем желающим сфотографироваться на память. А вот

Юрию Долгорукому, кажется, повезло: особых примет у него не было, поэтому изображать его никто не берётся.

Следующим объектом, создающим образы городов, являются малые архитектурные формы (памятники, мемориалы). Московские памятники характеризуются большими размерами, содержанием большого количества чугуна, узнаваемостью, демократичностью: *В Москве город украшают так: берут много-много чугуна, придают ему какую-нибудь узнаваемую форму и ставят там, где люди ходят. Это означает, что в Москве полная демократия, искусство принадлежит народу, и всякий представитель народа может на фоне этого искусства сфотографироваться.*

Петербургские памятники отличаются «экономностью» во всем — размерах, материале, узнаваемости: *В Петербурге живут люди пугливые и экономные: чугун понапрасну не расходуют, потому памятники делают маленькие, меньше человеческого роста, а поскольку никакой человек не хочет, чтобы памятник ему был меньше его самого, памятники ставят зайчикам, котикам, крыскам и птичкам.*

Городской ландшафт (цветочные клумбы) также создает образы городов.

Москва характеризуется обилием различных цветов, которые не становятся объектом вандализма. В Петербурге же цветочных клумб нет, вместо них абстрактные композиции, выполненные из металла, которые являются объектом интереса приезжего дачника: *Там, где для памятника места нет, но глазу всё равно хочется на чём-нибудь отдохнуть, в Москве сажают разные цветы, которых к середине лета становится так много, что их даже не рвут и не продают у метро ушлые бабки. В Петербурге цветы не приживаются, потому что болото, зато вместо клумб здесь любят устанавливать разные абстрактные композиции. Идет приезжий*

мимо бывшей клумбы и видит, что из нее **трубы торчат и железяки ржавые**. «Нехорошо, — говорит, — Некультурно строительный мусор на клумбу класть!» Возьмет да и уворует композицию себе на дачу. А петербуржец — человек тонко чувствующий. Он сразу догадывается, что никакой это не мусор, а чистое искусство. Кто не понимает, что символизируют собой эти трубы и железки — тот бескультурщина и серая масса.

Следующим объектом, создающим образ города, является городская контора / офис (при этом автором подчеркивается, что это контора-филиал).

Питерский филиал московской конторы описан посредством следующих лексических единиц: *негромкая музыка, невидимый кондиционер, аромат фиалок и хризантем, красивая и вежливая секретарша, отсутствие очередей, быстрое и легкое решение вопросов, своевременная доставка заказов, высокие зарплаты*:

В питерском филиале московской конторы играет негромкая музыка. Где-то работает невидимый кондиционер, насыщающий воздух ароматом фиалок и хризантем. За стойкой сидит очень красивая и очень вежливая секретарша, знающая четыре языка и готовая поддержать разговор о проблемах квантовой физики или политическом устройстве Уганды. <...> В питерском филиале московской конторы нет очередей. Все вопросы решаются быстро и легко, словно бы играючи. Заказы доставляют вам вовремя — причём, без предварительной просьбы. <...> Часто питерец, не привыкший к такому обхождению, начинает придумывать поводы для того, чтобы ходить в филиал московской конторы снова и снова. <...> И вот — свершается чудо. Его берут лифтом в питерский филиал московской конторы, и наутро он сам уже знает четыре языка и легко поддерживает с секретаршей разговоры о проблемах квантовой физики и политическом

устройстве Уганды. А с первой же зарплаты покупает себе автомобиль и симпатичный домик в Токсово.

Московский филиал питерской конторы (именуемый автором *алчным чудовищем*) характеризуется постоянным отсутствием нужных сотрудников в нужный момент (по причине болезни, занятости другим клиентом, увольнения и т.д.), требованием платы за любую услугу, неисполнением возложенных на сотрудников обязанностей, постоянные судебные тяжбы:

В московском филиале питерской конторы все уже ушли домой. Или ещё не пришли на работу. Или одни уже ушли, а другие не пришли. А человек, который может вам ответить на вопрос, во сколько же кто сюда приходит, уволился ещё год назад. Ваш менеджер болен. А тот, который его заменяет — занят важным клиентом. <...> Придётся заплатить штраф, а мало ли, что вы не знали? <...> Если не заплатите — поедете за своим заказом сами. <...> Ну что, штраф платить будем или как? <...> <...> Вырвав свой заказ из лап алчного чудовища, именуемого московским филиалом питерской конторы, москвич испускает вопль сексуально удовлетворённой Годзиллы, и немедленно звонит своему адвокату. С московским филиалом питерской конторы постоянно кто-то судится. Поэтому сотрудников вечно нет на месте, а те, кто ещё на месте, стараются вытянуть из посетителей побольше денег — чтобы было, чем покрывать судебные издержки и выкупать коллег из узилища.

2.3.2. Тематическая группа «Культурные ипостаси образов городов»

Культурная ипостась образов городов репрезентируется в тексте произведения посредством таких категорий, как культура питания, субкультура, праздники, городские музы, коллекции, знаменитости.

Рассмотрим, с помощью каких лексических средств вербализуются эти категории.

Культура питья складывается из следующих моментов: заведение, в котором выпивают, напитки, последствия выпитого.

Заведения, в которых выпивают и москвичи, и питерцы, называются *культурными заведениями*, снабженными *столами*, специальной посудой для питья (*большая и малая емкости*), *пепельницами*:

Культурное питье, как всем известно, происходит в культурных заведениях. Где надо сидеть за столом, наливать напиток из большой емкости в малую, говорить разнообразные слова и окурки засовывать в пепельницу, а не в ухо соседу.

Напитки, которые выпиваются (данный процесс номинируется с помощью глагола *вкушать*) москвичом и питерцем, отличаются: питерцы выпивают напиток, который называется *водка*, москвичи – *чай*. Однако и тот, и другой напиток описаны посредством эпитета *прекрасный*, а также посредством выражения *практически ритуал*:

Питерцы в своих заведениях культурно выпивают водку, а москвичи почему-то чай. То есть, и те, и другие, конечно, пьют многие прекрасные напитки, но это так, баловство, а водка и чай — это практически ритуал. Москвич говорит: «Вчера вкушали чай! Вкусили 8 сортов» — и прочие москвичи понимают, что имеют дело с настоящим интеллектуалом, у которого, к тому же, нет проблем с мочевым пузырём. А питерец говорит: «Мы вчера вкушали водку. Вкусили 5 литров!» — и с ним тоже все понятно сразу делается.

Если же москвич или питерец выпивают дома, то напитки используются с точностью до наоборот – питерец пьет чай, москвич – водку: *Дома, конечно, питерец пьет чай, очень горячий, чтобы согреться — потому что у него малокровие, батареи всю зиму холодные, электронагреватель сперли молдавские водопроводчики, приходившие чинить батареи, и вообще есть*

нечего, потому что жена-стерва не хочет готовить (муж-поэт не хочет зарабатывать). А москвич – тот дома пьет водку. Потому что он тоже живой человек и выпить ему хочется.

Отличается и поведение москвича и питерца после выпитого.

Москвич характеризуется эпитетами *самоуглубленный, медитативный*, словами и выражениями *молчит, ясные глаза*, поэму скажет: *Выпив чаю, москвич становится **самоуглублен и медитативен**, что твой питерец. Сидит, молчит, в чашку смотрит, глаза ясные, сейчас поэму скажет. Но не скажет — потому что самоуглублен.*

Питерец описывается посредством слов и выражений: *нежный московский румянец, говорит быстрее и громче, смеется, размахивает руками, заигрывает: Питерец, напротив того, хлебнув водки, покрывается **нежным московским румянцем, говорит быстрее и громче** обычного, даже иногда **смеется, руками размахивает, заигрывает** с питерцами симпатичного ему пола, и так далее.*

Следующая категория, описывающая культурную ипостась образов городов, является субкультура. Субкультура выступает в качестве противоположности массовой культуры и характеризуется определенными принципами. При этом в тексте автор подчеркивает, что субкультура *придумывается* исключительно питерцем, москвич же ее перенимает. Придуманная в Петербурге субкультура характеризуется игрой гамм, рисованием картин определенным способом, сочинительством особенных стихов, чтение которых тоже отличается своеобразием, специфическими танцами и т.д.: *Однажды питерцу становится тошно от массовой культуры, поэтому для себя и своих друзей он **придумывает** субкультуру. Давайте, говорит, будем **играть гаммы задом наперед, рисовать картины снизу вверх, сочинять стихотворения с матерными словами и не запинкивать***

их стыдливо, читая со сцены, давайте хрипеть в микрофон, бить пятками в барабаны, танцевать босыми ногами по зеленой траве, слушать тишину и выбрасывать в Фонтанку телевизоры.

Создание субкультуры сопрягается в Петербурге со строительством «небольшого укрепления», которое называется клуб: *Из предназначенных к утоплению телевизоров строят небольшое укрепление, покрывают его тремя слоями граффити и отныне именуют «Клуб».*

Клуб описывается посредством лексических единиц *тесно, темно, свобода на сцене, облегающая, рваная, испачканная одежда: В клубе тесно и темно, поэтому одеваются там в облегающие одежды (чтобы не занять ненароком больше места, чем необходимо). Иногда, в темноте и тесноте, одежды рвутся и пачкаются, но никто не обращает на это внимания — потому что на сцене в этот момент царит свобода, и все следят за ее выступлением.*

Созданный в Москве клуб характеризуется теми же параметрами, однако со своей номинацией – *дресс-код*: *Через пару месяцев в Москве открывается сеть модных клубов. <...> Посетители обязаны приходить в облегающих одеждах, как бы случайно порванных и запачканных. Эти одежды шьют специальные, очень дорогие модельеры и продают в специальных, очень дорогих бутиках. Такие одежды называются дресс-кодом.*

Следующим аспектом культурной жизни городов являются праздники. В тексте произведения упоминаются Новый год и Большой Городской Праздник. Отношение к праздникам у жителей двух городов отличается.

Отношение жителя Петербурга к празднованию Нового года описывается следующими единицами: *думает про Новый год заранее (но не слишком рано), не понимает людей, продающих на улицах живые, варварски*

умерщвленные елки, стоит на стремянке, украшая искусственную елку, перемешивает оливье, открывает дверь последним гостям, отбирает у кота валерьянку.

Отношение жителя Москвы к празднованию Нового года описывается следующими единицами: *планирует Новый год еще до того, как встретит прошлый, сидит за правильным столом в правильном месте, окруженный правильными людьми, пытается дозвониться до менеджера клуба, чтобы забронировать столик на следующий год, мчится в вихре танца, по пояс высовывается из окна незнакомого лимузина, пьет шампанское на холодном ветру, выкрикивает бессвязные междометия.*

Празднование Большого Городского Праздника в Москве и Петербурге также отличается. Праздник в Москве описывается посредством следующих единиц: *справляют загодя, репетиция, угодить москвичам, не пускают москвичей, омовцы со щитами, железные рогульки с колючей проволокой, пробка:*

*В Москве Большой Городской Праздник **справляют загодя**. Где-то за месяц до Главного Торжества начинаются **репетиции** <...> для того, чтобы угодить москвичам. Зато когда наступает сам Праздник, **москвичей на него не пускают**. Перегораживают всю Москву крепостными стенами: первое кольцо из живых **омовцев со щитами**, второе — из **железных рогулек с колючей проволокой**, а третье — незапланированное, это просто третье транспортное кольцо, на котором, образовалась **пробка** из москвичей, желающих поскорее уехать с такого Праздника.*

Празднование в Петербурге описывается посредством следующих лексических единиц: *одинаковый сценарий, костюмы / переодевание, возможность побыть не собой, здорово, пускают всех:*

*В Питере праздники давно уже не репетируют, потому что с самого основания города они проходят по **одинаковому сценарию**. Все питерцы, у которых есть **костюмы** Петра I, но нет фотоаппаратов, **одеваются** Петром I и приходят на Праздник, чтобы сфотографироваться с теми питерцами, у которых **костюмов** как раз нет, а фотоаппараты — есть. Губернатор **одевается** Анной Иоанновной. Заместитель губернатора — **аранчонком**. Питерцы попроще **одеваются** питерцами посложнее. Питерцы посложнее **одеваются** Маяковским и Сальвадором Дали. Дворники **одеваются** гренадёрами. Нахимовцы **одеваются** суворовцами. Зенитовцы **одеваются** революционными матросами. Питерские девушки **одеваются** московскими девушками. Праздник — это **здорово**. Это **возможность побыть не собой**. <...> На Праздник в Питере пускают всех.*

Следующим критерием, создающим образы городов в их культурной ипостаси, являются образы муз. О. Лукас подбирает ироничные имена городским музам. По эти именам можно выявить, в какой сфере жители имеют наибольшие успехи или популярность.

Московские музы называются *Калория* и *Сценария*. Питерские музы именуются *Депрессия*, *Экскурсия*. Каждая муза характеризуется определенным набором признаков, описанных различными лексическими средствами.

Калория: *румяная, округлая и добродушная. Ей служат шеф-повара, просто повара, кондитеры, кулинары и гастрономы — в кафе, ресторанах, едальнях и на своих собственных кухнях.*

Сценария: *худая, нервная, разговаривает на повышенных тонах, взвизгивая через каждые 500 знаков. Ей служат сценаристы, режиссёры и продюсеры.*

Таким образом, мы понимаем, что наиболее популярными и востребованными профессиями в Москве являются повара, сценаристы, режиссеры и продюсеры, а излюбленными местами – предприятия общественного питания, кинотеатры.

Депрессия: бледная и вся в чёрном. В сумочке у неё всегда лежат антидепрессанты. Служители музыки Депрессии — поэты, музыканты, писатели. Они приносят ей в жертву хорошее настроение, обменивая его на вдохновение по сходному курсу.

Экскурсия: бодрая, энергичная и знает город лучше, чем самый крутой gps-навигатор. Музе Экскурсии служат все, кто сколько-нибудь знает и любит свой город.

Таким образом, наиболее популярными в Петербурге являются творческие профессии: поэты, музыканты, писатели, экскурсоводы.

Следующим параметром, описывающим культурную ипостась образов городов, являются городские «коллекции» людей.

Москва «коллекционирует» все красивое, Питер – странное, страшное, необычное, отталкивающее. Коллекция Москвы характеризуется *легкомысленностью* и состоит из людей-бабочек, характеризующихся такими эпитетами, как *яркие, летучие, редкие, недолговечные*. Коллекция Питера состоит из *психов всех мастей, фриков всех пород, городских сумасшедших из других городов и деревенских дурачков из окрестных деревень, непризнанных гениев, талантливых безумцев*.

Последним критерием, описывающим культурную ипостась образов городов, являются знаменитости, точнее, отношение жителей Москвы и Петербурга к знаменитостям.

Жители Москвы любят знаменитостей и любыми способами стараются с ними соприкоснуться. Соприкосновение со знаменитостью делает самого москвича знаменитым. Жители Петербурга относятся к знаменитостям иначе. Они делят их на две категории: 1) знаменитости, *не достойные славы* и 2) знаменитости, с которыми житель *лично знаком* и которых он считает «*вовсе не знаменитостью, а живым приятным человеком, с которым всегда было интересно проводить время*».

2.3.3. Тематическая группа «Природные ипостаси образов городов»

Природные ипостаси образов городов складываются из описания их климатических особенностей и погодных условий. Чрезвычайно значимыми в описании природной ипостаси городов оказываются образы дождя, гололеда, снега.

Дождь является одним из частых природных явлений, которое связано с климатом Петербурга, поэтому данный образ в произведении является неотъемлемой частью образа города. Для Москвы этот образ является менее характерным. В этой связи восприятие дождя жителями того и другого городов отличается:

То, что для москвича — ливень, для питерца — изморось. То, что для питерца засуха, для москвича опять же — изморось.

Ему [москвичу в Петербурге] кажется, что кругом очень мокро (*сырые простыни, сырое одеяло, сырое полотенце, сырая вода, сырой завтрак, излишне жидкое молоко и т.п.*) до тех пор, пока не привыкнет. Когда питерец приезжает в Москву, ему наоборот становится очень сухо. У него сохнут волосы, сохнет кожа, чай, поставленный около компьютера, высыхает за 2 дня, и сам питерец тоже сохнет, чахнет до тех пор, пока не акклиматизируется.

Образ дождя в произведении описывается посредством самых разнообразных лексических средств. Дождь может быть *запланированным, самым завалиющим, отборнейшим*; он может *накрапывать, шпарить*; он может предъявлять себя городу в виде *ливня, бодрого перестука капель, наводнения*. Дождь всегда идет *во всем Петербурге*, в то время как в Москве он может идти лишь в ее *северной части*.

Отношение к дождю у жителя Петербурга описывается посредством следующих лексических единиц: *любит, первая любовь, удовольствие, шлепать по лужам*. Отношение к дождю у жителя Москвы передано с помощью лексических единиц *избежать попадания под дождь, одноместный батискаф (укрытие), зонт, болотные сапоги, плащ-палатка, отрез полиэтилена три на три метра, оплакивает свою горькую участь*.

В Петербурге маленьким жителям запрещается *шлепать по лужам* во время дождя, в то время как родители маленьких москвичей этот же процесс считают прямым свидетельством зарождающегося у ребенка *таланта к плаванию*.

Образ гололеда, создающий образ городов, описывается по-разному. Гололед в Петербурге описан посредством таких лексических единиц: *скользко, ничего страшного, никакого адреналина, тупо, банально, возможно — насмерть*; В Москве гололед описан как *экстрим, смертельно опасный аттракцион*: *В Москве много есть такого экстрима, какого в Питере и не сыщешь. И, соответственно, наоборот. Идешь, например, по улице, кругом гололед и скользко. Что с тобой в Питере при таком раскладе может случиться? Да ничего страшного! <...> Никакого адреналина. Тупо, банально, возможно — насмерть. То ли дело — гололед в Москве. <...> В гололед живописные коленца улиц превращаются в смертельно опасные аттракционы. Идет, например, москвич по какой-нибудь Трёхгорной улице, а это уже не улица, а ледяная горка. Москвич, конечно, радуется, что без*

всякого труда попадет на работу быстро и с ветерком. Весело скользит вниз — и попадает под трудолюбивую снегоуборочную машину.

Образ снега связан с образом дворника. В Москве к дворнику относятся с жалостью и, чтобы как-то облегчить его труд, дополнительно платят. В Петербурге тоже жалеют дворника, но облегчают его труд, оказывая физическую помощь в уборке снега:

Москвич, глядя на дворника в окно, думает: «Какой дворник молодец! Взял и расчистил проезд для моей машинки! Как бы ему, хорошему, жизнь облегчить?» Точно так же думают все прочие москвичи, живущие в этом доме. Не сговариваясь, они [москвичи] выходят на улицу и суют дворнику в шапку купюры.

Питерец просыпается утром под скрежет лопаты об асфальт. Продирает глаза, выглядывает в окно. Под одиноким фонарем стоит одинокий дворник и одиноко скребет освещенный пяточок.

— Бедненький! Так рано встал! К тому же — мерзнет! Вдобавок — темнота! Надо ему как-то облегчить жизнь! <...> Пока дворник ходит за метлой, питерец успевает расчистить весь двор.

2.3.4. Тематическая группа «Человек»

Самой объемной предстает данная тематическая группа. Человек в ней описан с разных позиций:

- 1) имени;
- 2) внешности;
- 3) характера;
- 4) темперамента;

5) поведения;

б) отношения к определенным вещам (труду, романтике, алкоголю и наркотикам, болезни, браку и расставанию, игрушкам, проблемам, объявлениям, питанию, свободному времени, аренде квартиры, правилам дорожного движения и т.п.).

Имя.

С точки зрения имени питерцы отличаются многоликостью, у них много имен: *Вася, Марина, Азиз, Уважаемая Зоя Ивановна, Галадриэль*. Москвич таким обилием имен похвастаться не может.

Характер.

Питерцы:

хмурые,

молчаливые,

ме-едленные,

величавые,

оказывают помощь медленно и величаво,

вежливые,

спокойные,

обходительные,

Москвичи:

нетерпеливые,

быстрые,
оказывают помощь быстро и порой грубо,
насмешливые,
серьезные,
педантичные,
с далеко идущими взглядами.

Поведение.

Питерцы:

безобидные психи,
любят затаиться,
перебегают из укрытия в укрытие,
подозревает всех людей в заговоре против них.

Москвичи:

активные психи,
не скрываются,
идут по главной улице,
шумные,
удивляются, что ими кто-то не заинтересовался.

Отношение к романтике.

Питерцы видят романтику:

в крошечной ночи,

в блеске молнии,

в громоухании грома,

в излитии с небес рекордного количества дождя,

в поедании мороженого любимым человеком с кем-то другим,

в стоянии под окном,

питье пива,

в попытках терзать струны гитары,

в подарках, сделанных своими руками или купленных на барахолке.

Москвичи видят романтику:

в прогулках с любимым человеком по свежесмытой утренней улице,

в солнце,

в любимом человеке, прижимающемся к тебе и поедающем мороженое,

в тепле и благодати,

в желании целоваться,

в разводных мостах в Петербурге,

в ужине при свечах,

в романтических подарках из Магазина Романтических подарков.

Для питерца:

- разводные мосты не романтика, а крушение всех надежд,

- ужин при свечах – *«прекрасный способ скрыть от своей половины наличие прыщей на лице, пятен на потолке, грязных ботинок на люстре, кошачьего писсуара посреди гостиной и нескольких престарелых родственниц, аккуратно распределившихся по всей квартире с целью подслушивания»;*

- подарки из Магазина Романтических подарков – *«всё одинаковое, рассчитанное на бездуховных, вечно спешащих москвичей».*

Внешность.

Питерцы, обладатели приятного, округлого личика с ленивыми светлыми глазками, заскорузлых пальцев, заточенных под то, чтобы без труда открывать пивные бутылки, оценивают свое отражение в зеркале как прекрасное: *«О, а сегодня я еще ничего, хорошо выгляжу. Можно будет вечером снова забухать».*

Москвичи, обладатели узких плечиков, впалых щечек, узкого хищного носа, критически оценивают свое отражение: *«А москвич тем временем тоже проснулся, глядит в зеркало, пытаясь ладонями разогнать в сторону ушей мешки под глазами, образовавшиеся от недосыпа, и если ему это удастся, говорит: «О, а я неплохо сегодня выгляжу! Можно опять работать до полуночи!».*

Внешность жителей Петербурга и Москвы меняется, если они долгое время пребывают не в своем городе.

Так, изменения во внешности питерца автор описывает такими лексическими средствами:

*резкие черты лица,
 яростный и нетерпеливый блеск глазок,
 строгие, браво разросшиеся в столичном климате брови,
 истонченные пальцы выпрямляются для спорой работы на клавиатуре.*

Изменения во внешности москвича во время пребывания в Петербурге описываются с использованием следующих лексических средств:

*широкие и крепкие плечи,
 налитые здоровым румянцем щеки,
 чуткий и округлый нос.*

Визит в гости.

Отношение жителя Петербурга к процессу сообщения адреса места визита отличается от отношения жителя Москвы некоторой степенью дотошности. Кроме того, жители Петербурга всегда укажут заблудившемуся дорогу, в Москве этого делать не станут: *«Если вас приглашают в гости в незнакомый дом, в Питере как делают? Называют адрес: улица такая-то, дом такой-то, корпус-квартира-код, иногда станцию метро сообщают — от особого расположения к приглашаемому. В Москве все наоборот. Улицу и номер дома вам, скорее всего, не скажут. А объяснят так: «Такой-то вагон из центра. Направо-прямо, снова налево, выходишь из перехода, прямо через перекресток, налево будет стройка, направо — помойка, ты на них не смотри, потому что они выглядят неэстетично, потом будет такой столбик, ты не принимайся, на него собаки писают, но зато не пропустишь его ни за что, от него пять шагов направо, рядом будет камешек такой увесистый, ты подними его и кинь в третье слева окно пятого этажа, я*

выйду и встречу, потому что домофон не работает, значит, номер моей квартиры тебе знать не обязательно».

Отношение к алкоголю и наркотикам.

Житель Петербурга называет наркотики *несерьезным делом, молодежным развлечением*, а алкоголь, напротив, *чрезвычайно серьезным делом, основательным занятием*. Непьющих людей питерцы называют *шпионами, неприятными людьми, которым нельзя доверять*.

Житель Москвы называет алкоголь *несерьезным делом, эка невидаль*, а наркотики считает *признаком избранности, элитарности, особенности*. Пьющий человек у москвича вызывает *«чувство некой ласковой брезгливости пополам с жалостью»*.

Отношение к болезни.

Сходство питерца и москвича в отношении к болезни, которая описывается с помощью метафоры (*хватает их своими трясущимися кривыми жгутиками*), автор видит в том, что ни тот, ни другой *болеть не любят*. Однако причины, по которым они не любят болеть, отличаются у жителей городов Петербурга и Москвы. Москвичу болеть *обидно* (ведь другие в это время занимаются делами), питерцу болеть *бессмысленно* (ведь о нем все равно никто не позаботится).

В отношении к болезни питерец описывается с помощью лексической единицы *мнительный*, москвич — *самоуверенный* (даже если рентген показывает обратное, москвич называет себя *мутантом*); по отношению к врачу питерец *доверчивый*, *не понимает докторского сарказма*, *четко следует врачебным рекомендациям*, *находит у себя симптому сразу нескольких заболеваний*, москвич — *непочтительный*, *обвиняет доктора в*

нетолерантности, подозревает врача в излишней *перестраховке*, не видит острой необходимости в выписывании *больничного листа*. После посещения врача москвич сразу же стремится попасть на работу, даже если для этого придется отковырять только что наложенный гипс, питерец – сразу же начинает искать у себя симптомы иных заболеваний.

Неравный брак.

В данном случае речь идет о браке между жителями Москвы и Петербурга. В произведении автор называет этот неравный союз *мезальянсом*.

Московская девушка описывается с помощью следующих лексических единиц:

Перебивает (- Я... – начинает было питерец, но его **перебивают**...);

Тараторит (- Значит так, времени у нас мало, – **тараторит** его подруга. — Завтракаем в восемь тридцать, в кофейне, тут рядом открылась, об этом Афиша писала);

Как следует подготовилась к свиданию (Московская девушка **как следует подготовилась** с помощью путеводителя и навигатора);

Меняется в лице (- Правда? – меняется в лице московская девушка);

Удивленно-прекрасная (... и сразу становится такой **удивлённо-прекрасной**, что питерец влюбляется в неё ещё раз);

Решительно говорит (- Тогда давай сразу начнём с романтического! – **решительно говорит** она и вырывает из блокнота листочек с планами на день).

Питерец описывается посредством следующих лексических средств:

*очень тонко чувствующая натура (Всё-таки питерцы – **очень тонко чувствующие натуры**, надо будет потом написать об этом в ЖЖ);*

*послушный (Питерец бы **послушно** гулял и любовался ещё десять лет кряду);*

мямлит (- Эээ... – мямлит питерец. Кажется, ему не очень рады);

бормочет (Питерец бежит за ней следом, машет руками, бормочет в своё оправдание какую-то чепуху...).

Питерская девушка описывается посредством следующих лексических единиц:

*Мечется (Питерская девушка долго **мечется** по платформе в поисках москвича);*

*Нерешительная барышня (Окончательно проголодавшись, москвич вталкивает **нерешительную барышню** в первое попавшееся заведение, и оно оказывается ничего себе, хотя завтраки там уже кончились);*

*Тревожная (она приезжает на место свидания за полчаса до встречи и начинает **тревожно** бродить вокруг).*

Москвич:

*Галантный (- Ну, дорогая, чего ты хочешь? – **галантно** спрашивает москвич. Чтоб не говорила потом, что он раскомандовался);*

*Заинтересованный (- Где же ты хочешь завтракать? – **интересуется** москвич);*

*Добрый и улыбчивый (- Чего ты хочешь теперь? – **подобрев** после трёх запеканок и пяти двойных эспresso, **улыбается** москвич);*

*Умный, догадливый, решительный (Надо же, какие **умные**, какие **догадливые** и **решительные** эти москвичи – всё понял и организовал в две минуты).*

Отношение к игрушкам.

Маленький москвич, выбирая игрушку, долго не думает и хватается первого попавшегося робота с заводным механизмом, которого через некоторое время забирают мальчишки постарше и ломают. Однако маленький москвич недолго расстраивался, а взял и самостоятельно починил игрушку.

Маленький питерец к выбору игрушки подходит прагматически: чтобы не отобрали, чтобы она не стояла на верхней полке, чтобы не истрепалась, чтобы никакие детали не потерялись, чтобы она была долговечной и могла бы быть подаренной внукам:

— Ну, не бойся. Выбирай, что хочешь! — подбодрила питерца добрая фея.

— Вот это, — зажмурившись, он ткнул в витрину наугад.

— Фарфоровый Пушкин с трещиной вдоль всей головы? Ты в самом деле мечтаешь о такой игрушке?

Маленький питерец мечтал не об игрушках, а о совершенно отвлечённых предметах, но признаться в этом фее было стыдно — она ведь взрослая, может рассердиться, а если рассердится — вообще ничего не подарит.

— Да, фарфоровый Пушкин! — гордо ответил малыш.

— Ну что ж... — сказала фея.

Темперамент.

Москвич – не оптимист, питерец – не пессимист:

Москвич не оптимист — он просто знает главное правило жизни. Если ты бежишь быстрее всех — получишь вон тот симпатичный золотой кубок. <...> Москвич верит, что он самим фактом рождения на этой планете заслужил такой оригинальный многозадачный кубок. Поэтому он стремится, и борется, и бежит вперед по первому снегу, по последним желтым листьям, даже не останавливаясь на секундочку полюбоваться их красотой, по горячему еще асфальту, оставляя неровную цепочку следов, отмахиваясь дипломатом от возмущенных его поступком дорожных рабочих, по коридорам власти на цыпочках, по служебным лестницам через три ступеньки, обгоняя скоростные служебные лифты. В итоге кубок ждет москвича — там, где и должен был ждать. <...> Питерца многие считают пессимистом — а зря. <...> Питерец не бежит, не борется и не стремится. <...> Питерец прекрасно понимает, кто на самом деле достоин кубка, и ждет, когда это дойдет до окружающих.

Решение проблем.

Питерец:

- замечает заранее,
- чувствует,
- видит каким-то тайным зрением,
- сканирует внутренним локатором,
- знает её, как родную.

- *испереживался,*
- *всем рассказал,*
- *пережил,*
- *сроднился с ней,*
- *обнимает,*
- *заманивает в свой дом,*
- *сажает за стол,*
- *бормочет себе под нос всё печальное сразу,*
- *оглядывается по сторонам,*
- *нервно принюхивается,*
- *тревожно прислушивается.*

Москвич:

- *сталкивается с проблемой неожиданно,*
- *смеривает проблему нехорошим таким взглядом,*
- *достаёт из кармана краткое пособие по решению проблем, и*
начинает, натурально, делать всё, как там написано, прямо с пункта 1.1.,
- *твёрдо знает, что делать.*

Развод / расставание

Питерцы видят себя виновником несложившихся отношений:

«Ну, во-первых, всё из-за меня!».

«Неправда, из-за меня».

«Если бы я не... то...».

«Но если бы я тогда... то...».

Москвичи выясняют, кто во всём виноват:

«Всё из-за тебя! Отдавай мне за это телевизор, стиральную машину и вон ту вазу!».

«Из-за меня? А кто этот разговор вообще начал? Жили бы себе и жили, наживали и наживали. Автомобиль чур мой, и все компьютерные игры — тоже!».

Однако расставания питерцев заканчиваются собственно расставанием и разделом имущества, а москвичей заканчивается ремонтом.

Протест.

Питерец протестует *молча*, использует лишь язык мимики и жестов:

- *складывает руки на груди,*

- *холодно глядит на объект.*

Москвич протестует как словесно, так и с использованием языка жестов:

«Пааааазвольте! Я вот сейчас опротестую! Вот это опротестую и то. И, кстати, еще кое-что, о чем раньше молчал, а теперь к слову пришлось!»

И кулаком еще в ухо.

И ногой под зад.

И ломиком по черепушке.

Всё полить бензинчиком, подпалить и плясать вокруг костра.

Коллективные протесты москвичей и питерцев выражаются посредством следующих лозунгов:

«Не дадим разрушить!» — протестуют москвичи.

«Не дадим построить!» — протестуют питерцы.

Свободное время.

Москвич:

для походов в спортзал,

для посещения дополнительных курсов,

для стояния в пробках.

Питерец:

для того чтобы ощутить собственную свободу.

Исполнение обещаний.

Фраза питерца «Я обещаю» означает буквально следующее:

С этого момента он — ваш покорный раб. Делайте с ним что угодно, Питерец будет только счастлив. Еще бы! Он тут наобещал человеку с три короба, прошло уже двадцать минут, а ничего не случилось! Этак его за обманистика примут. За шарлатана и надувателя щек! <...> «Обещал? Исполни! Обещал! Исполни!».

Фраза москвича «Я обещаю» означает буквально следующее:

При самом удачном раскладе, если ему подвернется такой случай, обещание будет выполнено.

Аренда квартиры.

Москвич просматривает сотни объявлений. Ставит свои условия:

- Интернет-кафе в служебном помещении станции метро «Бибирево» — не предлагать.
- Рядом с метро («не более чем в пяти остановках»).
- Без мебели.

Питерец снимает квартиру на спор, по пьяни или по принуждению арендодателя. Питерец характеризуется беззаботностью: его устроит квартира без интернета, телефона, водопровода, ему «плевать», если метро закрыто на ремонт, ведь «за углом обнаруживается целый выводок маршруток», его устроит любая мебель, даже хозяйская.

Правила дорожного движения.

Москвич всегда трактует правила дорожного движения в свою пользу, где бы он ни был — по ту или по эту сторону ветрового стекла.

Питерец даже на светофоре оглядывается и задумывается: *а стоит ли переходить дорогу прямо сейчас?*

Критика.

Питерец:

- *Всё очень плохо,*

- *Полный провал.*

- *Вот тут и вот тут у Вас небольшие недочёты.*

Если питерец что-то искренне хвалит — значит, сам он не сделает лучше, даже перепрыгнув несколько раз через себя.

Москвич:

- *Отлично!*

- *Блестяще!*

- *Абсолютное попадание в десятку! Даже в пятёрку! Да что в пятёрку — в четвёрку!*

- *Только надо всё переделать. Вообще совсем. Начало убрать, середину выкинуть, от концовки отказаться.*

- *Найдите новые идеи и внедрите их сюда, сюда и сюда.*

- *Но в целом — просто гениально!*

- *Здорово!*

Если москвич что-то искренне хвалит — значит, сам он сделает лучше почти наверняка.

Питерец и москвич *всегда правы* даже в своем утверждении, что *земля треугольная*.

Московская девушка всегда права, питерская девушка и права, и не права одновременно.

2.3.5. Тематическая группа «Словарь горожан»

В данную группу мы объединили лексические единицы, именующие одну и ту же реалию в разных городах.

Так, например, крупное хлебобулочное изделие из пшеничной муки в Москве назовут *булкой*, а в Петербурге *булка* – это сладкое изделие из сдобного теста.

Бетонная невысокая каемка, ограждающая тротуар, в Петербурге называется *поребрик*, в Москве – *бордюр*.

Вход в многоквартирный дом в Петербурге называют *парадной*, *парадкой*, *парадняком*, в Москве – *подъездом*.

Длинный узкий кухонный шкаф в Петербурге называется *пенал*, в Москве – *колонка*.

Житель Петербурга прекрасно понимает (как пишет автор, *врубается*) значение глагола *употребим* ('выпьём'), москвич не понимает.

Занятие, отнимающее все свободное время, в Петербурге называется *запой* («Мой-то работает запоем! Уж месяц как! Небось, бабу себе на работе завел»), в Москве для номинации используется неологизм *подсесть* («Мой-то подсел на интернет! Уж месяц как! Небось, бабу себе в интернете завел!»).

Выражение «*У меня в доме нет никакой еды*» следует понимать по-разному. Для питерца оно означает, что у него проблемы с финансами и купить еду не на что, для москвича оно означает, что в доме нет приготовленной еды, поэтому ее нужно либо заказать на дом, либо найти ее в магазине или кафе.

Интересным, на наш взгляд, кажется отличие, заложенное в название жителей Петербурга. Их называют *питерцами* (безграмотный вульгаризм, придуманный необразованными жителями Москвы), *петербуржцами* (так называют людей культурных, но невоспитанных, агрессивно несущих свою культуру в темные и невежественные народные массы), *питерскими* (называет всех уродами, его *нетрудно отличить от собратьев*), *ленинградцами* (человек старой закалки, родившийся в старые добрые времена).

Рассмотрим названия жителей Москвы. Они не отличаются таким разнообразием. В Москве жителей называют либо *москвич*, либо *москвичка*. Разница основана только на половой принадлежности жителя города.

Названия улиц в Москве характеризуются «народностью»: *Солянка, Варварка, Петровка, Покровка*. Все, что названо не по-народному, то «именуется гордым составным именем – *Большое Золотое Суперчто-то*».

В Петербурге много иностранных названий, а те, «которые названия не иностранные – те такие, что не всякая история вынесет, например, *Турухтанные острова*».

Москвичи предпочитают быстро перешагивать барьеры и переходить с собеседником на «ты», питерцы не перейдут на «ты» без достаточного обоснования. Это обоснование может заключаться в следующем: симпатия к человеку, единая «весовая категория» (возраст, статус, пол), пришло время для «тыканья».

Для перехода на уровень «еще более ты» москвич использует местоимение «вы»: *«Послушайте, Алексей, а вы собираетесь в эту пятницу забухать в нашей компании?»*.

Питерец же может во время разговора переходить то на «ты», то на «вы»: *«Знаете, в эту субботу мы вряд ли увидимся. У меня будут неотложные домашние дела. Ну, разве что, ты пригласишь меня к себе»*.

Житель Петербурга тщательно *взвешивает* слова для того, чтобы быть предельно точным в разговоре. Его слова должны абсолютно достоверно отражать суть предмета.

Москвич тоже *взвешивает* слова для значимости, для предъявления себя. Москвич не вдумывается в смысл слов собеседника, однако может легко поддержать беседу.

Язык московских объявлений отличается резкостью, грубостью, угрозой. Они обязательно сопровождаются отрицательной частицей *не*:

*«Машины у ворот **не ставить!**»*

*«Окурки под лестницу **не бросать!**»*

*«Здесь нет никакого совета ветеранов, где он есть — мы **не знаем!**»*

*«Справочное окно справок **не даёт!**»*

*«В лифте **не ссать!**»*

Язык питерских объявлений отличается дружелюбностью, участливостью, всегда есть четкое указание на направление:

«Ближайшая помойка в соседнем дворе»

«Машину можно поставить под окнами у дяди Коли, он всё равно в запое пятый год, к тому же глухой»

«Код парадной — 350, пепельница на втором этаже слева, курите туда»

«Совет ветеранов находится в доме № 14, а тут зато неплохое кафе»

«Азиз подбросит куда надо в любое время. Обращаться в дворницкую».

2.3.6. Тематическая группа «Технический прогресс»

Данная группа объединяет лексические средства описывающие образы городов с точки зрения технического прогресса. Сюда мы отнесли информацию, касающуюся искусственного механизма и автомобильных пробок.

Образ Москвы характеризуется тем, что в этом городе везде, где живого человека можно заменить искусственным механизмом, именно так и поступят. В Петербурге наоборот — всегда стараются на место искусственного механизма поставить человека, *«потому что ни один искусственный разум не в состоянии запомнить сто тридцать восемь способов и сорок девять интонационных отличий произнесения слова «спасибо». Не говоря уже о «пожалуйста», «не за что», «всего хорошего» и «видели ли вы, как вчера сыграл „Зенит“?».*

Искусственный механизм заменил людей в московском общественном транспорте — в автобусах и троллейбусах вместо контролеров «работают» турникеты, вместо кассиров — автоматы / банкоматы. В Петербурге по-прежнему работают контролеры / кондукторы, кассиры. При этом существенная разница между жителем Москвы и жителем Петербурга заключается в том, что даже при наличии выбора, москвич предпочтет человеку автомат, а питерец, наоборот, предпочтет автомату живого человека.

Даже если у него есть выбор, питерец всегда пойдёт и отстоит очередь к живому кассиру, вместо того, чтобы запихивать с трудом заработанные купюры в подозрительный автомат. Автомат — создание бессердечное. Во-первых, он не даёт сдачи. Во-вторых, на вопрос «Я ведь всё правильно делаю, да?» он никогда не ответит «Конечно, правильно, вы ведь уже сорок лет сюда ходите!» (трудно ответить, что ли?) Ну, и в-третьих — у него такой серьёзный вид, как будто он чем-то очень сильно недоволен. Питерец сразу начинает испуганно озираться и припоминать, что он сегодня сделал такого, что могло разгневать даже механизм. Задумается, бывало, и скармливает автомату купюру за купюрой, пока кошелёк не опустеет.

Если москвич стоит перед выбором: воспользоваться услугами человекообразного кассира или бездушного автомата, то он, конечно, предпочтёт автомат. Потому что не так обидно. Добровольно отдавать свои деньги какому-то дяде (или какой-то тётке, пусть даже она очень симпатичная) — на такое москвич пойти не готов. С автоматом проще — он точно не обогатится за твой счёт, нет у него такой насущной потребности, а значит, этому парню вполне можно доверить несколько сотен или даже тысяч рублей.

В Петербурге механизм под названием *светофор* заменяется человеком, называемым *регулирующим*, в Москве, наоборот, не человек приходит на помощь механизму, а механизм человеку:

Питерский человек всегда **приходит на помощь механизму**: если заболел **светофор**, на его место тут же встанет **регулирующий**. Московский **механизм** тоже всегда поможет **человеку**: если человек решил прогуляться после сытного ужина, но по ошибке поставил свой автомобиль напротив ресторана, приедет эвакуатор и увезёт автомобиль так далеко, что его владельцу обеспечено несколько часов спортивной ходьбы и не менее спортивной ругани с повелителями этого эвакуатора.

При этом интересно, что главный символ Петербурга – *механизм*, характеризующийся эпитетом *бездушный*, главный символ Москвы – *человек*, характеризующийся эпитетом *святой*: Однако главным символом Санкт-Петербурга является всё-таки разводной мост – **бездушный механизм**, как его не символизируй. А главный символ Москвы – это *Георгий Победоносец*, пронзающий змея. То есть, человек, хоть и святой.

Еще одним критерием, по которому образ Москвы и Петербурга отличаются, является критерий наличия автомобильных пробок: *В Питере автомобильных пробок нет. Это просто автомобилисты так медленно передвигаются, что сторонним людям кажется, будто они попали в пробку. В Москве пробкой считается такое скопление машин, которое движется по проезжей плоскости со скоростью 60 км\ч и меньше.*

Выводы

Вторая глава настоящего исследования была посвящена выявлению и описанию лексических средств создания образов Москвы и Петербурга в произведении О. Лукас «Поребрик из бордюрного камня».

В ходе работы над главой мы описали модель города как способ самоидентификации и коллективной идентификации горожанина. Понятие «город» многокомпонентное. Словарные толкования позволяют нам выделить следующие компоненты:

- 1) населенный пункт;
- 2) большой (крупный) размер;
- 3) администрация;
- 4) промышленность;
- 5) торговля;
- 6) культура.

Сегодня существует много различных исследований, посвященных образу города. Однако разные подходы к исследованию образа города не препятствуют тому, что все исследователи объединены мыслью: город является не просто средой обитания человека, он формирует стиль жизни, ценности, влияет на особенности поведения, создает картину мира индивида.

Для города характерны семантическая и семиотическая нагруженность, смысловая сгущенность, эмоциональное напряжение, рациональная упорядоченность. Город — это место, которое всегда насыщено смыслами, своей историей, знаками и ценностями.

Семиотически нагруженными предстают разнообразные объекты городского пространства:

- архитектурный ансамбль города;
- городской ландшафт;
- малые архитектурные формы;
- система городских событий и т.д.

Далее мы выявили шесть тематических групп, в которые объединяются лексические единицы, создающие образы двух городов – Москвы и Петербурга:

- 1) «архитектура»;
- 2) «культура»;
- 3) «природа»;
- 4) «человек»;
- 5) «словарь»;
- 6) «технологии».

Каждая группа представлена разным составом и объемом лексических средств. Это и единичные лексемы, и словосочетаний, и фразеологические обороты, и тропы (метафоры, эпитеты), и предложения.

Образы городов описаны через призму взглядов, характера, поведения их жителей – москвича и питерца, поэтому во многом противоположны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью настоящего исследования было выявление и описание лексических средств создания образов Москвы и Петербурга в произведении «Поребрик из бордюрного камня» О. Лукас.

Для достижения поставленной цели было решено шесть принципиальных задач.

Во-первых, были изучены и проанализированы теоретические работы по исследуемой проблематике. Для этого мы обратились к трудам таких исследователей, как Ю.Д. Апресян, Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Бабенко, С.П. Гурин, К. Линч, З.Д. Попова, А.А. Потебня, И.А. Стернин, Ю.С. Степанов, Ф.П. Сорокалетов, В.Н. Топоров, Ф.П. Филин, А.И. Смирницкий.

Во-вторых, было интерпретировано понятие «образ». Рассмотрев различные определения (лексикографические, авторские), мы пришли к заключению, что образ – это облик, представление о чем-либо, созданные художником и отраженные в слове. Исследователи считают, что образ является универсальным способом познания мира, своеобразным вместилищем для хранения и передачи информации.

Рассмотрение теоретических материалов, интерпретирующих понятие «образ» и «концепт», мы выявили очевидную смежность этих понятий. Они иерархически связаны, поскольку, по мнению теоретиков, первичное воплощение концепта происходит в образе. Концепт овнешняется в слове и проходит четыре этапа развития:

- 1) концепт репрезентируется в психологически представленном образе без референтного значения;
- 2) концепт вербализуется определенными лексическими единицами;

3) концепта оязыковляется посредством внутренней формы слова или значения слова;

4) на базе понятия создается символ.

В-третьих, было охарактеризовано такое направление современной науки, как лингвистическая урбанистика. Данное направление занимается лингвистическим аспектом изучения города: номинации объектов городского пространства, язык жителей города. Все это объединяется понятием «язык города».

Язык города изучается с разных аспектов: семиотическом, лингвокультурологическом, стилистическом и др. Это многоуровневое и многоаспектное образование, составляющие которого обладают как сходными, так и различительными чертами, отражающиеся в системе языка на различных уровнях: фонетическом, словообразовательном, лексическом, синтаксическом, стилистическом.

В-четвертых, были описаны различные способы структурирования лексических средств, служащих для создания образа. Анализируя теоретические работы по лексикологии, мы выяснили, что слова в языке существуют не изолированно друг от друга, а в определенных отношениях друг с другом: они объединяются в семантические поля, лексико-семантические группы, тематические группы. Это способы структурирования лексических единиц. Наиболее крупным образованием считается семантическое поле, его разновидности – лексико-семантическая группа и тематическая группа. Под семантическим полем мы понимаем совокупность языковых единиц, объединенных каким-то общим семантическим признаком, т.е. имеющих некоторый общий компонент значения. Под лексико-семантической группой мы понимаем группу слов одной части речи, тесно связанных между собой по смыслу. Под тематической группой мы понимаем

совокупность слов, основанную на классификации самих предметов и явлений внешнего мира, обозначающих определенную предметную область. Основное отличие тематической группы от лексико-семантической группы видится в том, что в тематическую группу входят единицы разных частей речи, а в лексико-семантическую группу – одной.

В-пятых, была охарактеризована модель города как способ самоидентификации и коллективной идентификации горожанина. Наличие собственного видения городского пространства позволяет горожанину ориентироваться в этом пространстве, а также выступать его самоидентифицирующим фактором, а также фактором коллективной идентификации горожанина.

Наконец, были выявлены лексические средства создания образов Москвы и Петербурга и предложена их тематическая классификация. Собранный в ходе анализа произведения материал мы распределили в шесть тематических групп:

- 1) «архитектура»;
- 2) «культура»;
- 3) «природа»;
- 4) «человек»;
- 5) «словарь»;
- 6) «технологии».

Тематическая группа «Архитектурные ипостаси образов городов» состоит из лексических единиц, называющих процесс создания архитектурных объектов, из единиц, называющих различные архитектурные объекты (здания, улицы, проспекты, площади, разводные мосты, метро,

«живые» памятники, малые архитектурные формы, городской ландшафт и др.).

Тематическая группа «Культурные ипостаси образов городов» состоит из лексических единиц, называющих такие категории, как культура питания, субкультура, праздники, городские музы, коллекции, знаменитости.

Тематическая группа «Природные ипостаси образов городов» складываются из описания их климатических особенностей и погодных условий. Чрезвычайно значимыми в описании природной ипостаси городов оказываются описанные различными лексическими средствами образы дождя, гололеда, снега.

Тематическая группа «Человек» состоит из лексических единиц, описывающих образ человека с разных позиций:

- 1) имени;
- 2) внешности;
- 3) характера;
- 4) темперамента;
- 5) поведения;

6) отношения к определенным вещам (труду, романтике, алкоголю и наркотикам, болезни, браку и расставанию, игрушкам, проблемам, объявлениям, питанию, свободному времени, аренде квартиры, правилам дорожного движения и т.п.).

Тематическая группа «Словарь горожан» состоит из лексических единиц, именующих одну и ту же реалию в разных городах. Сюда же мы

отнесли особенности наименования самих жителей городов, специфику их речевого этикета, язык городских объявлений.

Тематическая группа «Технический прогресс» объединяет лексические средства описывающие образы городов с точки зрения технического прогресса. Сюда мы отнесли информацию, касающуюся искусственного механизма (турникеты в общественном транспорте, банкоматы, автоматы, светофоры и т.п.) и автомобильных пробок.

В перспективе видится продолжение анализа различных языковых средств (лексических, синтаксических, стилистических) создания образов городов Москвы и Петербурга в произведениях О. Лукас.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры – М.: Academia, 2002. – 394 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – 152 с.
3. Алимпиева Р. В. Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 177 с.
4. Архипова Ю. Ю. Состав, семантика и функционирование лексико-семантической группы глаголов зрительного восприятия: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2000. – С. 19.
5. Вендина Т. А. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 2001. – С. 153.
6. Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
7. Винокур Т.Г. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. – М., 1990. – 452 с.
8. Гукалова И.В. «Города и люди: актуальные проблемы урбанистики и социального развития: Монография». – Новосибирск: Изд. «СибАК», 2015. – 198 с.
9. Гурин С.П. Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты. – Эл ресурс. – Режим доступа: http://www.comk.ru/HTML/gurin_doc.htm.
10. Душечкина Е.В. Ономастическое пространство, или что, как и почему мы называем // Рец. на: Шмелева Т.В. Ономастика: учеб. пособие. –

Славянск-на-Кубани: Изд. центр филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани, 2013. –157 с. // Вопросы ономастики: УФУ, Екатеринбург. 2014. – № 1(16). – С. 170-173.

11. Ермоленкина Л.И. Трансформации идеологемы умный город в семантическом пространстве урботекста // Вестник Томского государственного университета. Язык и культура. – 2010. – № 2 (10). – С. 5-10.

12. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: ЮНА, 2002. – С. 28-30.

13. Коралова А.Л. Семантическая природа образных средств в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1975. – С. 41.

14. Красильникова Е.В. Живая речь уральского города: Сб. науч. тр. – Свердловск: УрГУ, 1988. – С. 5-18.

15. Лукас О. Поребрик из бордюрного камня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=157632&p=1>

16. Мезенко А.М. «Урбанонимия как язык культуры» / Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского – серия «Филология. Социальная коммуникация» – Том 24 (63). – 2011. – № 2. – Часть 1.– С. 388-392.

17. Мясникова Т.А. Основы градоведения (учебно-методическое пособие по программе дополнительного образования муниципальных служащих)/ Дополнительное образование муниципальных служащих./ Учебно-методическое пособие./ Муниципальное управление./ Вып. 6. – М.: РИЦ «Муниципальная власть», 2000./ <http://emsu.ru/ms/default.asp?c=1157&p=1>.

18. Олейникова С.Д. Ономастическое пространство г. Моршанска: социальный аспект: дисс. ... канд. филол. н. – Тамбов, 2007. – 258 с.
19. Пирогов С.В. Теоретико-методологические основания когнитивного подхода к моделированию городской жизни: дисс. ... канд. филос. наук. – Томск, 2010. – 241 с.
20. Подберезкина Л.З. Лингвистическое градоведение (о перспективах исследования языкового облика Красноярска) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: научно-метод. бюл. – Красноярск–Ачинск: Красноярский университет, 1998. – Вып.6. – С. 22-30.
21. Потебня А.А. Мысль и язык. – Киев, 1993. – 192 с.
22. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 612 с.
23. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские. Коммуникативное поведение. – М.: Наука, 2006.
24. Сиротинина О.Б. Языковой облик г. Саратова // Разновидности городской устной речи. – М.: Наука, 1988. – С. 247-252.
25. Слесарева И. П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. – М.: Либроком, 2010. – 176 с.
26. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.
27. Суюнова Г.С. Теоретико-прикладные аспекты лингвистической урбанистики: монография. Изд. 2-е, испр. и доп. – Павлодар: ПГПИ, 2016. – 127с.

28. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы»: введение в тему // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М., 1995. – С. 259-265.

29. Тыхеева Ю.Ц. Человек в городском пространстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Tyheeva/>

30. Халитова С.Е. К вопросу о соотношении понятий *концепт* и *образ* // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – № 6 (130). – 2010. – С. 130-134.

31. Шарифуллин Б.Я. Язык современного сибирского города // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-метод. бюл. / Краснояр. гос. ун-т. / под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск–Ачинск: Красноярский университет, 1998. – Вып. 5. – С. 8-27.

32. Шахбаз С.А.С. Образ и его языковое воплощение (на материале английской и американской поэзии): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 242 с.

33. Шестак Л.А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса: монография. – Волгоград: Перемена, 2003. – 312 с.

34. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – М.: ЛКИ, 2008. – 432 с.

35. Эмер Ю.А. Пространственная модель города в фольклоре: к проблеме коллективной самоидентификации горожанина // Вестник Томского государственного университета. Культуроведение и искусствоведение. – 2014. – № 1 (13). – С. 18-24.

36. Юнаковская А.А. Язык города как лингвистическая проблема // Вестник Омского ун-та. Филология. – 2011. – № 3. – С. 193-197.

37. Язык и общество в современной России и других странах. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://libed.ru/konferencii-jazykoznanie/177653-9-yazik-obschestvo-sovremennoy-rossii-drugih-stranah-mezhdunarodnaya-konferenciya-moskva-21-24-iyunya-2010-dokladi-so.php>.

38. Языковой образ – концепт «человек» в русской языковой картине мира: Ипостаси, параметры, семантические и семантико-синтаксические категории, модели и субмодели, коммуникативно-прагматические реализации: Монография / под редакцией О.В. Коротун, Н.Д. Федяевой – Омск: Вариант - Омск, 2011. – 122 с.

39. Яковлева Е.А. Филологическая урбанонология: новые аспекты изучения города // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 6(2). – С. 771-774.

СПИСОК СЛОВАРИ

1. Бабенко Л.Г. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. – М.: Аст-пресс, 1999. – 698 с.

2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. – М.: Русский язык, 2000. – 1233 с.

3. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

4. Малый академический словарь русского языка. – Эл. ресурс. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ-term-13529.htm>

5. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

6. Прохоров А.М. Большой энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1993. – 1632 с.

7. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. – М.: Альта-Принт, 2005. – 4824 с.